

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

САРЖАН
фон дер Зайцев

Барон фон дер Зайцев

Андрей Шопперт

Барон фон дер Зайцев. Книга 1

«Автор»

2026

Шопперт А. Г.

Барон фон дер Зайцев. Книга 1 / А. Г. Шопперт — «Автор»,
2026 — (Барон фон дер Зайцев)

Наш человек в глубоком вражеском тылу. Куда только не заносило русского человека, на этот раз попал в центр державы крестоносцев. Правда в тот период, когда 26-й великий магистр Тевтонского ордена Ульрих фон Юнгинген (нем. Ulrich von Jungingen) потерпел грандиозное поражение в Грюнвальдской битве от Польши, Литвы и Орды. Из плюшек пока только поверхностное знание истории.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Шопперт

Барон фон дер Зайцев. Книга 1

Глава 1

Событие первое

День не заладился с самого утра. Сначала побежал кран на кухне... не кухоньке. Да, не важно, уж какая есть, не в размерах же дело. Дело в кране. Работал себе работал, а потом бамс и капать стал, чудеса какие-то. Бум. Бум. Бум. Капли по жести и по мозгам застучали. Понятно, что прокладка виновата, а раз виновата, то надо её наказать, ясно, что надо разбирать эту *сложную техническую конструкцию, да что там – сложнейшую*, и менять прокладку, и даже, помнится, вместе с краном в коробке магазинной запасная прокладка была. И? И где эта коробка? Может где-то на чердаке и лежит? А может и нет. Вечно бумаги для растопки бани не хватает. А прокладка? Ну, где-то в ящике, в котором немецкий ордунг и не ночевал, валяется. Но если искать, то обязательно спрячется, а попадётся только тогда, когда начнёшь искать чего-нибудь другое. Так и получилось. В смысле, не нашлась. Пришлось в окончании вырезать из старой автокамеры, которая для этого в сарае и повесилась. Весь извозился, порезался, и когда с этой бедой справился, то не облегчение испытал Иван Фёдорович, а дикую усталость.

А не денешься никуда. Это в городе вызвал из Жека мастера, отдал потом пару сотен рублей, и всё само наладится. Ну, или платного мастера вызвал и отдал тысячу, но тоже всё само устранился, не надо свои невосполнимые нервные клетки жечь, и не за свою работу хвататься. В деревне, где дачу себе Иван Фёдорович прикупил, с Жеками, ну или как там они сейчас называются, всё плохо. А с платными мастерами хоть за тысячу, хоть за две, ещё хуже. Деньги, может, какой сосед и возьмёт, а вот сделает ли? Тем более, кран хитрый оказался, без болтов. Всю голову сломал специально необученный сантехник, пока разобрался, как эту хреновину вскрыть.

Ещё через полчаса, направившись в туалет типа сортир, Иван Фёдорович наступил на ступеньку, и она сломалась. Чего уж, давно доска прогибалась, и этого следовало ждать. Ну, могла бы из уважения к победителю крана сломаться завтра или послезавтра, а то и до весны попрогибаться. Нет. Извольте. Пришлось выпиливать новую доску, менять и красить потом, так как всё крыльцо в кардинальный чёрный цвет выкрашено. Краска нашлась, но сверху толстенная плёнка в банке, и пока маляр энтузиаст её вскрывал, в краске перемазался. И не все беды туалетные, пошёл туда снова через пару часов и про покрашенную доску забыл, следов наоставлял. Пришлось во второй раз красить.

А под вечер завалился пьяный в дрободан сосед, в трезвом виде вполне адекватный человек, и начал клянчить на водку или саму водку. Водки не было, наличный денег тоже. Иван Фёдорович и забыл уже, когда в последний раз наличные деньги в руках держал. Года три назад, а то и все четыре. Если есть карточка и телефон, то зачем эти купюры мусолить в кармане? И ведь не отвяжешься. Пришлось вынести коньяк подарочный за кучу рублей. Ну, да, сам не покупал, но цена-то понятна. И не для того дарили родственники, чтобы бухой в стельку сосед выпил, не оценив качества напитка.

А вечером ещё и свет отрубили вместе с интернетом. Лёг пораньше в этот несчастливый день Иван Фёдорович и хрен там... Не спится. Запах краски преследует, и жаба на груди прыгает, и напоминает, что дорогущую вещь отдал. Опять же порезанная рука саднит. Так и промучился в полудрёме и ворочениях всю ночь.

А утром солнце заглянуло в окна дома.

– А не сходить ли нам в гости?! – вспомнил мультик про медведя Иван Фёдорович.

– В гости? – спросил сам у себя.

– Ну да, а не сходить ли нам в гости в лес, возможно нас грибами одарят. Пожарить с молодой картошечкой и лучком. Ляпота.

– А пошли, – уже надевая сапоги, согласился сам с собой садовод (садист).

Лес был в километре приблизительно, может и меньше, можно было открыть карту на ноутбуке и замерить, надо ли, километр и километр, и знание, что там девятьсот сорок метров дорогу не увеличат и не уменьшат. Минут через десять, вспотев на раскоцегарившемся солнце, Иван Фёдорович вошёл под сень березняка. Сразу окунулся в запахи леса, жара спала и, постояв пару минут, отдыхая и наслаждаясь ощущением леса, грибник пошёл по привычному маршруту. Не первый поход, и где тут должны быть грузди, Иван Фёдорович знал, а именно их упомянул вчера пьяный сосед, дескать, ходил в лес, набрал два ведра груздей, пожарил... и как не выпить за такое.

На первый чуть не наступил. Груздь – гриб пугливый и не особо любит высовываться из-под листьев. Как-то поспорил Иван Фёдорович, как этот гриб правильно называется, с братом. Оба оказались неправы. В интернете выяснили, что груздь – это такой же гриб, но горький, а этот «сладкий» называется подгруздок. Спрятавшийся подгруздок ещё и червивым оказался. Ничего, лес не маленький, будут и целые, не стал унывать будущий шеф-повар, наберёт на жарёху.

Удача не отвернулась. Вскоре половина полиэтиленового пакета была наполнена и этого хватит и на пожарить и посушить, а после в грибную муку превратить, чтобы... Под ноги попала поваленная полусгнившая берёза. Иван Фёдорович решил её перепрыгнуть, но в момент прыжка поскользнулся, о только что брошенный на землю, червивый до невозможности, груздь – подгруздок, и стал падать лицом вниз на землю. Удар получился сильным. Мир мигнул вспышкой искр и исчез.

Событие второе

Удар головой о землю был неожиданный и сильный. Иван Фёдорович не только сноп искр разноцветных успел разглядеть, но и на какое-то время проник в тайну оттенков чёрного. После искр в голове взорвалась чернота, своими клубами всё заплонив и клубы эти разного оттенка чёрного были, были как бархат, были как чернота ночи, а были с проблесками серого и красного. И только все эти чёрные пятна и искры стали покидать голову незадачливого грибника, как кто-то со всей силы врезал ему по рёбрам.

– Кх. Какого чёрта!

Бамс. Удар по его тушке повторили, даже рёбра хрустнули, а Иван Фёдорович, оторванный от земли, пролетел метр и снова вдарился головой о землю. Это он сгруппироваться в воздухе попытался. Согнулся. Вот только удар подбросил его тушку и чуть развернул, результат ожидаемый, так, крючком изогнувшись, и впечатался носом в землю, далеко не мягкую и рыхлую.

– Хорош, Гришка, а то сдохнет ещё, – голос доносился как сквозь пробки из ваты в уши вставленные.

– В аду его черти заждались уже, – этот голос тоже сквозь вату, но ближе. Потом чья-то сильная рука схватила Ивана Фёдоровича за волосы и приподняла его голову от земли вместе с половиной тушки, кричащей от боли, – жив, что ему – дьяволу делается, – голову с силой отбросили, и она снова ткнулась расквашенным уже носом в твёрдую вонючую землю.

Вкус крови во рту, отвлёт на мгновение внимание неудачливого грибника, а потом он услышал опять сквозь вату в ушах смех и удаляющиеся шаги. Первой мыслью было вскочить

и, схватив палку, врезать сзади по голове непонятному уроду Гришке, что зачем-то два раза пнул его. И уже почти вскочил... и тут в голове щёлкнуло. Эти двое говорили на немецком. Не на русском. В лесу, на Урале? Опять-таки «Гришка»? Что вообще происходит?!

Иван Фёдорович попытался подняться. Рёбра слева болели, но очевидно сломаны не были. А вот нос. Нос сломан точно. Толчками боль и полный рот крови с её противным железистым вкусом. Ещё болит левая рука, второй палец пришёлся по ней больше, чем по рёбрам, и она-то от переломов видимо и спасла. Сгибается, не сломана, но боль страшная, может и трещина. Доктором Иван Фёдорович не был, был строителем. Да, сейчас бы знания по хирургии не помешали, как определить нет ли трещин в костях? Пальцы двигаются, но значит ли это, что нет какого-нибудь закрытого перелома или трещины? А ещё бы не плохо знать, чем эти вещи друг от друга отличаются?

– Встаём, – скомандовал себе пенсионер и открыл глаза, одновременно из положения «зародыш» пытаясь перевернуться и встать на колени.

Это точно не было лесом. Справа виднелась каменная стена. Такая... из фильмов. Дикая стена с зеленью мха и белыми известковыми скрепами. Стена была высокой. Голову задрать не получалось, шея прямо стреляла болью. Перелом? Ну, нет, вращает же. Или... Ай, не на того учился. Иван Фёдорович медленно приподнял голову, проследив на этот раз не вверх, а вдоль стены. Она упиралась в здание полуторазэтажное с соломенной частично, а частично дощатой крышей. Здание это было сложено из того же самого серого плохообработанного, но довольно хорошо подобранного дикого камня, известковые швы белые были не сильно широкие. Как строитель Иван Фёдорович оценил мастерство каменщиков. Умели люди работать. Точно и очень правдоподобно воспроизвели средневековую кладку в каком-нибудь рыцарском замке в Европе. За домом была квадратная башня с мерлонами или зубцами по периметру. Башня была метров под десять в высоту, монстром таким возвышающаяся над домом и стеной. Ещё за домом виднелось приземистое, но тоже каменное здание теперь уже полностью с крытой соломой крышей и несколькими большими дверями. В одну из них высывалась лошадиная морда. Белая морда. Морда посмотрела на Ивана Фёдоровича сочувственно и заржала.

– Настоящий рыцарский замок, – просипел пенсионер и хотел головой потрясти, чтобы это наваждение из головы выгнать. Однако при даже незначительном повороте головы боль резанула по мозгам. Крепко его этот Гришка обработал. Немец Гришка? Хрень какая-то. Стоп! Ну, ладно, Гришка говорил на немецком. Бывает. Чего в жизни не бывает. Но вот он-то откуда знает этот язык?! В школе и институте, который сейчас в университет переименовали, учил английский. А после института надобность в знании языка один раз всего возникла, когда ездил в Чехию и Германию на экскурсию. Нет, чехи вполне по-русски шпыхали, в отличие от немцев, и потребовалось знание немецкого в ресторанах, куда их экскурсии заводили. Но оказалось, что в отличие от умных русских, тупые немцы все знают отлично английский, так что без сосиски и штруделя они с женой не остались. Но это первый и последний раз, больше английский в жизни не пригодился, а теперь на пенсии и подавно не нужен. Тьфу, чёрт с ним с английским, он отлично понял, что Гришка и его урезониватель сказали на немецком. Удача! Ударился мордой, и на тебе, немецкий выучил. Описывают в литературе такие чуды. Память предков?! Ну, так понятно, Иван Фёдорович точно знал, что среди его предков есть дойчи. Точно удача. Бамс по морде и знание языка. Вот какие методики нужно в школах вводить. В каком там классе он начал английский учить? В пятом? Чего в пятом-то не дали по носу. Не мучился бы столько лет ненужный язык изучая.

Событие третье

Вспомнив о носе, полиглот решил его потрогать, и потянулся рукой. Кап. На руку плюхнулась малиновая капля. Из носа и капнула. Желание трогать поубавилось. Тут мимо него,

чуть не стоптав, проехало, горяча коней, двое всадников, один из которых голосом Гришки на всё том же немецком крикнул:

– Попомнишь меня, кусок дерьма.

От лошадей воняло мочой и потом.

– Сейчас помоем коней и продолжим с тобой! – пообещал всадник с Гришкиным голосом. Он был высок, русоволос и бородат. На плечах был накинута короткий плащик, под ним белая рубашка, но ногах серые штаны и кожаные сапоги непонятного кроя, будто взяли кусок кожи и вокруг ноги обернули. Второй всадник мало чем от первого отличался. Тоже рослый, соломенные волосы, короткая стриженная бородка, которую ещё шкиперской называют и похожая одежда, только плащик детский не синий, как у Гришки, а тёмно-зелёный. При этом всадники были похожи. Возможно братья.

Обдав пылью и вонью, всадники проехали неспешным шагом мимо, и Иван Фёдорович обернулся им вслед. Антураж замка стал более цельным, позади него метрах в двадцати оказалась надвратная башня, которую на западе именуют «барбаканом». Вот, хоть что-то из знаний, полученных в институте, пригодилось. Барбакан был размерами с башню, что стояла у дома полутораэтажного, понятно, что только в два с лишним раза шире. Впечатляющие размеры. Строители, создавая этот антураж средневекового замка, постарались на славу. Если это сделано для съёмок фильма, то бюджет должен быть у картины гигантский. Кто в России на такое сподобится? Абрамович решил из Англии вернуться? Прохоров бросил чудить с «Ё»-мобилем и решил удариться в киноиндустрию?

Теперь стал виден и донжон. Он был справа от барбакана. Высотой те же десять метров, три ряда бойниц – окон, мерлоны на плоской крыше. Эти чуть другие, чем на башнях, под стать кремлёвским, в виде ласточкиного хвоста. На крыше за зубцами виднелся человек. Он был в кольчуге с плоской железной тарелкой на голове и копьём в руке.

Переведя взгляд себе под ноги, Иван Фёдорович обнаружил, что из носа натекла уже целая лужа и нужно было с этим что-то делать. Опять капля сорвалась и на ногу ему спикировала. Он сидел на корточках, всё не решаясь подняться, встать на ноги. До уха бедняги долетел плеск воды. Точно, хотелось пить и хотелось умыться. Очень осторожно покрутив головой, Иван Фёдорович увидел большую бочку литров на триста, а то и больше, в которую как раз мужик в аутентичных домотканых штанах и рубашке вылил ведро воды. Потом подхватил стоящее рядом второе и какой-то прыгающей походкой двинулся к воротам.

– Вода! – просипев опухшими губами, неудачливый грибник двинулся к бочке. При этом мозг, толкающий его в этом направлении, заметил странность. Мужик с вёдрами поклонился ему и посторонился с дороги.

– Вёдра пустые. Не к добру. Или это баба должна быть? – Тут точно мужик, клочковатая рыжая борода об этом недвусмысленно говорила.

Следом ему и женщина поклонилась. Не глубоко так, руками не махала, на колени не бухалась, согнулась немного и, зачерпнув из бочки ведро воды, двинулась к полутораэтажному дому. Вёдра были деревянные с верёвочными ручками, и у мужика рыжебородого, и у женщины. А одежда на тётке тоже под стать эпохе, про которую непонятное кино снимают. Сарафан, наверное, лапти и непонятный платок, как у мусульманок, на голове. И сарафан, и платок из такого же, как и у водоноса домотканого серого материала, должно быть льна... Или из крапивы ещё раньше одежду делали? Конопля опять же? Молодцы костюмеры. Всё выглядит очень правдоподобно.

Вода была тёплой и грязноватой, не прозрачной, или это из-за бочки так кажется. Иван Фёдорович зачерпнул руками воду и пролил её на землю. Твою же налево, как в книжках про попаданцев, руки тонкие и в веснушках. Детские, ну ладно, подростковые руки. Тут и размеры в голове сложились. Он был ниже тётки. От таких новостей ноги подкосились, и Иван Фёдо-

рович упал бы, но рука ухватилась за край бочки, и он с трудом, но удержался на ногах. На чужих хлипких ногах.

– Ладно, потом, – зажмурившись, попаданец зачерпнул руками воду и плеснул себе на лицо. Ноющая боль взорвалась острым всполохом. – Ну, попить-то можно?! – несчастный вновь зачерпнул в сложенные лодочкой ладони воды и поднёс к губам. Защищало немного, но живительная влага смыла это малюсенькое неудобство. Выхлебав пригоршню, Иван Фёдорович потянулся за второй и за третьей, и за пятой. Сколько там воды в той лодочке, грамм пятьдесят, сто? Наконец жажду удалось утолить и попаданец попробовал вновь сполоснуть лицо. Кровь всё не желала останавливаться.

– Так и помереть можно... не узнав, куда попал.

На этот раз болело чуть меньше. Очень осторожно кончиками пальцев Иван Фёдорович пошерудил по щекам и подбородку, смывая образовавшуюся коросту из крови. Попробовал и нос задеть, но тот острой болью сообщил, что глупая это затея.

– Нужно лечь носом вверх, чтобы кровь остановилась, – сообщил бочке бедняга и оглядел двор ещё раз. Шея по-прежнему с болью и скрипом вращалась.

Рядом с конюшней был навес. Жерди вкопаны в землю и сверху парусина наброшена. И там лежало сено. Много. Туда, придерживая ноющую руку второй, Иван Фёдорович и направился. К сену была прислонена довольно топорно и коряво сделанная лестница. Он полез по ней на верх и вдруг там обнаружил рыжую девчоночью рожу.

– Rette mich, die Allerheiligste Jungfrau (Спаси меня Пресвятая Богородица), – пискнула обладательница рекордного количества веснушек, потом девчонка перекрестилась и головой вниз нырнула с сеновала. Бумкнулась о землю, как-то умудрившись перевернуться в падении, и, поддерживая явно длинный для неё сарафан, понеслась к дому.

– И меня спаси.

Иван Фёдорович лёг на спину и прикрыл глаза.

Глава 2

Событие четвёртое

*Сплю, мне снится, что времени уже десять и я опоздал на работу.
Открываю глаза, смотрю на часы: времени десять, я опоздал на работу.
А сон-то вещей был!*

Сон лечит. Всех вокруг. Ивану Фёдоровичу одному не свезло. Проснулся он с раскалывающейся головой. Да и ладно бы, есть же всякие аспирины с ибупрофенами. Дудки. Проснулся не дома, в пяти метрах от аптечки, а на сеновале, в ... метрах от аптечки. И болела не только голова. Болела левая рука, по которой пнул немецкоговорящий бородатый Гришка, болели рёбра тоже слева. И туда Гришка пнул. Ещё болели губы разбитые и сломанный, возможно, нос. Чего ещё болело? Попаданец прислушался к организму. Ещё душа болела, неудобно ей было в новом теле и в новом времени.

– Kannst du nicht zurückgehen? (А нельзя назад походить?), – спросил тех или того, кто его сюда направил, Иван Фёдорович... И чуть вниз с сена не скатился. Ну, хрен с ним, дали ему по носу, и он язык предков вспомнил, «выучил» явно не то слово. Но сейчас он к богу или инопланетянам на немецком обратился. Да, ни в какие ворота. То-то ему так хреново: «Что русскому хорошо, то немцу шмерц». «Schmerz» (страдание, боль). Немцем стал! Русский после кулачного боя на льду Волхова выплюнет пару выбитых зубов, четверть мёда стоялого навернёт, и на утро как огурчик, а тут всё по-прежнему болит. Ладно хоть кровь из носа не каплет. Или это в мёде дело?

Иван Фёдорович зажмурил глаза и запустил ускоренную регенерацию. Сейчас минут пять и все будет в норме. Нет, не получилось. И через пять минут всё болело. Неправильный он попаданец, тем магию дают, регенерацию тоже, ещё знание кладов. Опять зажмурился. Что-то не так пошло. Ничего про клады он не знает. И во второй раз не регенерировался. Опять же не сказали, маг он или погулять вышел.

Лежать просто на сене было не так и паршиво. Если не шевелиться, то сильно ничего не болело. Да голову раскалывало, но вот остальное так фоном проходило, если не ворочаться и лежать, как больному и положено – смирно. Иван Фёдорович опять закрыл глаза и стал прикидывать куда и в какое время он попал.

Ему поклонились люди во дворе замка...

Второе пробуждение было от холода. Не так, что замёрз, и зуб на зуб не попадает, а просто захотелось одеяло по самую голову натянуть. Потянул. А нету. Иван Фёдорович открыл глаза. Ослеп! Чернота кругом. А, нет, вон звёздочка пытается пробиться сквозь облака, а ещё огонёк горит на... на башне. Не перенесли назад, не вернули взад демоны или инопланетяне. Хоть бы...

И тут попаданец осознал, что демоны поступили круче. Он теперь вспомнил всё, что помнил или знал, точнее, реципиент. При этом обнаружилось два ну очень интересных совпадения. Если это совпадение, а не промысел этих демонических инопланетян. Мальчика, в которого угодила его душа, знания, сознание, выбирай, что нравится, звали точно так же, как и его, с немецким акцентом, правда. Был Иван Фёдорович Зайцев, а стал Иоганн Теодорович фон дер Зайцев. Правда, тут в Ливонии отчеств не было, но отца звали Теодором (Theodor). Местные звали. Свои же обращались к нему как к Фёдору Васильевичу.

И был Иоганн, а для своих Ванька или Ванюша, в зависимости от того, кто эти свои были, третьим сыном «фрайхера» или барона, если на русскую иерархическую дворянскую

лестницу переводить. (Фрайгерр (нем. Freiherr – дословно «свободный господин»; обращение – «барон»). Старшим же сыном был тот самый истязатель малолетних Гришка, он же Gregor (Грегор). А средним братом был тот самый высокий мальчик с пшеничными волосами и рыжей шкиперской бородкой – Александр. Ну, тут и по-немецки получалось Александр.

Ещё была сестрёнка младшая, которую назвали Василиса. Василиса – Basilisa, Basilia.

И вот тут начинались сложности. Жена фрайхера фон дер Зайцева Мария была только матерью Василисы семилетней. Гришка же с Александром были сыновьями первой жены тогда ещё совсем не барона Зайцева, а боярина Фёдора Васильевича Зайца, Фёклы. Она умерла пятнадцать лет назад при родах. Девочка родившаяся не прожила и недели. Второй женой и матерью Иоганна была дочь Новгородского купца Ивана Кожина, ведшего обширную торговлю с Ливонией и вообще Ганзой. Звали мать Иоганна Зыряна, что с тюркского переводится, как яркий, светлый. И она умерла родами, когда пришла пора рожать сестрёнку Иоганну. Последней женой барона Зайцева была дочь соседа и тоже барона Отто фон Лаутенберга (Otto von Lautenberg) – «фрайин» (нем. Freiin) Мария.

Как же так получилось, что боярин Суздальского княжества стал бароном в Ливонии и тевтонским рыцарем? Эта часть воспоминаний или знаний хозяина тела была обрывочной и скорее на семейную легенду походила, чем правду. Что точно известно, так это то, что Фёдор Васильевич Заяц сын богатого и известного боярина Владимиро-Суздальского княжества Василия Зайца родился в 1360 году. Прозвание Заяц от отца досталось. Боярин получил саблей по роже и заработал шрам, который, как известно украшает мужчину. Вот только разрезана была и верхняя губа, которая срослась треугольником таким, как у зайца. За что прозвище боярин и получил, а оно уже и сыну досталось в наследство.

Точная дата рождения фрайхера Теодора известна потому, что отец не раз повторял и рассказывал, будучи в подпитии, про то, как принимал участие в походе Великого князя Дмитрия Ивановича Московского, вместе с отцом боярином Василием Ивановичем Зайцем, в сражении против Мамай – беклярбека и темника Золотой Орды. И было по словам отца ему в ту пору двадцать зим. Точно известно, что Куликовское сражение произошло в 1380 году. Выходит, отец Иоганна родился в 1360 году.

Событие пятое

Так как же боярин стал бароном?

Всё дело в Дмитрии Донском. Он... Почему-то все русские князья, которых учебники истории величают великими: Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Дмитрий Донской нанесли Руси или России будущей страшный урон своими действиями после смерти. Ярослав Мудрый разделил великую державу между сыновьями и на столетия верг её в пучину междоусобиц, которую потом продолжили потомки почти объединившего вновь державу Мономаха, почти, так как куски уже некоторые с концами отошли.

Всё то же самое сделал и Дмитрий Донской. Он разделил державу между сыновьями и наследником старшего Василия назначил не сына Василия, а его брата Юрия. Опять Лествичное право. И опять столетняя резня русских с русскими с ослеплениями князей и сжиганием городов. И ведь у всех у них был пример Византии перед глазами, где пусть и не всегда, но отцу наследовал сын. Да, там заговоров было не меньше, но принцип был известен. Почему его не переняли?

Так вот сын Дмитрия Ивановича Василий I в 1392 году присоединил к своим владениям Нижегородско-Суздальское великое княжество. Бояре попытались противиться этому. Всем же охота быть самостийными, но не получилось, кого купили, кого убили, а потом всю вину решили возложить на боярина Зайца. Пришлось тому бежать из Суздаля в Господин Великий Новгород с чадами и домочадцами и тремя десятками послужильцев или боевых холопов.

Вроде как-то устроились, и тут стало известно, что войска Василия двинулись воевать Двинскую землю, где и осел боярин Фёдор Заяц. У страха глаза велики, и боярин бывший решил, что по его душу войска Великий князь Василий Дмитриевич ополчил. Из Вологды ломанулся он в Псков и потом до Нарвы, где и нанялся с оставшимися у него пятнадцатью послужильцами на ганзейское судно, как бы охранником. Кроме послужильцев было при боярине ещё и жена с двумя сыновьями.

Купец был из Риги. И он не зря нанял охрану на судно. Пиратов в тех местах хватало. Да и любой купец мог мгновенно в пирата превратиться, если встретится с собратом своим и решит, что у него воев на корабле побольше. Напало на них датское судно, такой же большой когг. Но в этот раз не вышло у пиратов поживиться. Обстреляв корабль рижанина стрелами из луков и арбалетов, датчане начали абордаж. И тут столкнулись с шестнадцатью одоспешеными профессиональными воинами. Порубили их суздальцы даже не потеряв ни одного человека. А вот когда бой закончился, то оказалось, что раненые всё же есть. И это не ратники. Это жена Фёдора боярыня Фёкла Ивановна, которая была ранена в плечо, и её удалось выводить. Вторым раненым оказался купец Фриц Лаутен. Купец был ранен арбалетным болтом в живот. Была и ещё одна потеря. Исчез племянник купца и его помощник по совместительству Теодор Вайс. Груз как бы становился ничейным, так как купец помер, не приходя в сознание. Капитан когга перед Ригой уже подошёл к боярину и предложил на плохом русском поделить товар.

И Фёдор Васильевич задумался. Если можно вот так поделить товар купца, а там были, кроме того, и шкурки песка, то зачем делить? В эту же ночь капитан и половина команды были зарезаны, а оставшейся команды хватило, чтобы выброситься на берег в тридцати верстах западнее Риги, в районе будущей Юрмалы.

Убив моряков, боярин и его послужильцы, забрав с корабля только меха и серебро, направились к ближайшей деревне.

Дорф – так у немцев прозываются не очень большие сельские поселения. Кеммерн, так называлось это поселение. Дорф среднего рода. Там бедным русичам, потерпевшим кораблекрушение, удалось купить пару коней и пару же телег. И там в таверне им дали хороший совет. Двигайтесь, мол, дорогие гости, в Ригу и попытайтесь пробиться на приём к архиепископу. Там записывают в крестовый поход, который организывает король Венгерского королевства Сигизмунд и герцог Бургундии Жак Бесстрашный против турецкого султана Баязида I.

В Риге боярин снял небольшую таверну полностью для своего отряда и пошёл искать толмача, чтобы навеститься к архиепископу. В результате нашёлся новгородский бывший купец, которого ограбили пираты и захватили его корабль. Уже год он жил в Риге и прилично выучил немецкий. С купцом оставалось и пятеро его охранников. Звали купца Иван Кожин.

На удивление просто оказалось получить аудиенцию у архиепископа Иоганна V Валленроде. Им оказался молодой совсем рыцарь из Баварии. Двадцать три года. Подарок из сорока соболей отборных впечатление на немца произвёл.

– В крестовый поход?! – он вскочил с трона, несколько раз обошёл закованного в броню русского, что на голову возвышался над окружившими его монахами.

– Да, хочу турок выгнать из Болгарии.

– А не хотите ли перейти в католичество? Станете фрайхером, прославите своё имя в крестовом походе, плюс мое благоволение, вы сможете достичь больших высот в ордене. А ваши сыновья уже будут своими здесь.

Фёдор Васильевич задумался. Сменить веру? Предать веру отцов и дедов?! А на другой чаше весов баронство, свой замок, который ему этот молодой человек обещает. Возврата на родину нет, там ждёт дыба и четвертование. И гибель всей семьи. А бог?! Бог он один и для православных и для католиков. Ну, выучит латынь. Всё одно нужно и немецкий учить и латынь. Иначе тут на неметчине пропадёшь.

– Что скажешь, Иван? Что посоветуешь? – решил так, для порядка больше поинтересоваться боярин у купца.

– Всё свою цену имеет. Поторгуйся немного.

Событие шестое

В результате небольшого торга архиепископ Риги Иоганн V Валленроде отписал новому крестоносцу то самое селение – дорф Кеммерн, в таверне которого им и посоветовали отправиться в Ригу. Через месяц Фёдор Васильевич стал Теодором фон дер Зайцем, а ещё через месяц, похоронив умершую родами жену, отправился в крестовый поход к Никополю. (*Никопольское сражение – крупное боестолкновение между объединёнными силами венгерского короля Сигизмунда, Французского королевства, Ордена госпитальеров и Венецианской республики, с одной стороны, и войском турецкого султана Баязида I, с другой*).

Крестовый поход получился неудачный и борон не любил о нём рассказывать. Но! Неудачный он был для франков, для короля венгров Сигизмунда, а вот для фрайхера Теодора Зайцева оказался вполне себе удачным. Вернулись тринадцать послужильцев, и он сам живые и здоровые, всего двое его людей погибли в стычке с сипахами. Более того, при отступлении они отбились от венгров, заблудились, сделали, как и положено заблудившимся, круг, и вновь вышли к окрестностям Никополя, где ещё далеко не все трупы обобрали. На одну такую команду турецких мародёров они и напали, турок перебили, а дорогое оружие, украшенное золотом и самоцветами, натасканное падальщиками со всего поля боя, изъяли. Зачем оно туркам в аду? Там же, недалеко от Никополя, нашли и болгарина проводника, который за один из кинжалов с гардой и ножнами из серебра, вывел братушек к венгерской границе.

Кроме оружия и всяческих колец и цепей, снятых с убитых, у турок позаимствовали и три десятка лучших рыцарских коней, собранных теми по кустам вокруг поля боя. На них спустя полгода и ещё с десятков приключений, о которых любил у камина вечерами вспоминать барон фон дер Зайцев, выпив приличный кубок мёда. Кубок золотой и тоже трофейный. Вроде как самому Филиппу д'Артуа графу д'Э принадлежал, одному из руководителей крестового похода. Барон говорил, что видел его в руке пацана-графа, когда его отряд нёс караул возле шатров, где руководство похода расположилось на очередной военный совет и пьянку заодно.

Вернувшись из похода фрайхер фон дер Зайцев начал строительство вот этого замка. Где-то через год в рижском порту, куда заглянул, чтобы узнать новости с Руси, с Родины, он встретил вновь купца Ивана Кожина.

– Ничего там не поменялось. Василий платит дань ордынцам и воюет с соседями. Поход на Двину закончился неудачно для московского князя. Новгород отбился.

Они сидели в портовой корчме и пили противное кислое пиво.

– Жениться мне нужно. Деньги теперь есть, но немку не хочу в жёны. Русскую бы.

– Дочка у меня старшая невеста совсем. Пока до Новгорода доберусь, пока зима, пока снова сюда. Ей как раз пятнадцать годков будет. Приданое хорошее дам. Зовут Зыряна. Или брезгуешь с купцом породниться?

– Вези. Чего тут думать, ты Иван как брат мне. Благодаря твоему совету теперь и дорф есть и замок строится.

Зыряна не зажила на чужбине. Родила Ваньку – Иоганна, а через два года умерла при родах, а через месяц отправилась в рай и сестренка единокровная Иоганна. Ваньке сейчас двенадцать. Тринадцатый пошёл.

Последней женой барона Зайцева стала дочь соседа и тоже барона Отто фон Лаутенберга (Otto von Lauterberg) – «фрайин» (нем. Freiin) Мария. Женился Теодор спустя четыре года только в третий раз. И не потому, что не хотел. Некогда было. Воевал. Тевтонские рыцари пбили Витовта и Великое княжество Литовское заключило с крестоносцами так называемый

Салинский мирный договор, по которому к Тевтонскому ордену перешла Жемайтия. Гроссмейстер Конрад фон Юнгинген радовался зря и не очень долго. Практически сразу в Жемайтии, то есть, прямо под боком у Риги, начались восстания, и они не прекращались ни на один год даже. То в одном месте вспыхнет, то в другом. Уже в 1399 году жемайты организовали восстание, захватили и сожгли два недавно построенных замка. Тевтонских солдат взяли в плен, чтобы обменять их на жемайтских заложников, взятых в Пруссии. Осенью 1401 года рыцари совершили набег на поселения. И опять стали строить замки, снова восстание и опять местные замки разрушили.

За четыре года Фёдор Васильевич шесть раз выдвигался с войском тевтонов на подавление восстания. Женился он в перерыве между боями на дочери барона, чье копье несколько раз оказывалось сражающимся бок о бок с послужильцами фон дер Зайцева.

Через год баронесса родила Василису. А вот уже шесть лет не может забеременеть вновь. Впрочем, насколько понял Иван Фёдорович из воспоминаний Иоганна, отец по этому поводу истерик не устраивает. Война в Жемайтской земле занимает почти всё время барона, а наследников у него и без того трое.

А сейчас, насколько понял Иван Фёдорович, папаша его реципиента вместе с сыновьями и послужильцами всеми собирается на общий сбор всего войска в Мариенбурге – столице ордена. А раз на дворе 1409 год, то можно не сомневаться, что впереди знаменитая Грюнвальдская битва, где немцы получат по сопатке.

Глава 3

Событие седьмое

Дела сами себя, конечно, не переделают, но и сон сам себя, знаете ли, не пошит.

Сон принёс на этот раз не только знания, но и облегчение физических страданий. Рука болела меньше, а если не шевелиться, то рёбра вообще не болели. Голова? Ну, тут две боли. Первая, которая от носа, теперь саднила, скорее, чем болела, а ещё носопырккой нельзя было дышать. Надо понимать, там, внутри, всё спёкшейся кровью забито. Попытка потрогать нос вызывала болезненные ощущения, и после первой же вспышки боли Иван Фёдорович туда больше ручонками шаловливыми не лез. Не мазохист ведь. Вторая боль, которая просто головная боль, почти прошла. Осталась где-то в висках. Стукала. Терпеть можно. Сейчас главным неудобством был холод. Можно было слезть с сеновала и идти в опочивальню... Вот только там два его брата... Нда, была и вторая причина, из-за которой не хотелось Иоганну идти в дом, в сравнительно тёплую комнату, и уж точно там есть одеяло, которое можно на себя натянуть.

Причина была – стыд. Не страх перед Гришкой – Грегором, а именно стыд. Не Иоганна стыд, а стыд Ивана Фёдоровича Зайцева за бывшего хозяина его тушки. Вместе со знаниями истории семьи пришли и все другие знания парня. И если эмоции убрать, то виноват в том, что его брат избил на 100500 процентов был сам Иоганн. Началось всё ещё пару лет назад. Теперь уже и не вспомнить причину, но во время обучения владения саблём Гришка отвесил младшему брату серьёзную затрецину за нерадение... или за лень... или за норы? Что-то там огрызнулся Иоганн на сделавшего ему замечание Гришку.

Отрок тогда затаил злобу, вместо того чтобы поблагодарить за науку. Собрал он жаб на пруду у дома и напихал их брату в сапоги. За что снова оплеуху заработал. Ну, помирились бы. Нет, всё пошло по нарастающей. Есть такой американский фильм «Трудный ребёнок». Там пацан придумывает сотни способов, как усложнить жизнь окружающим, ближним в основном. Этим два года и занимался Иоганн, и намного превзошёл всё то, что сценарист в Америке напридумывал. Родственники пытались пацанёнка, в которого диавол вселился, образумить. И отец порол, когда возвращался с походов, и батюшка на колени в церкви ставил, и мачеха пеняла и без сладкого оставляла, а то и вообще без ужина, ну и, естественно, братик старший лупил. Ничего не помогало, всё работало с точностью до наоборот. Методы отомстить Гришке становились всё изощренней. То кусачих до невозможности рыжих муравьёв брату ночью в кровать насыплет, то дохлых завонявших уже, в опарышах, крыс в сапоги подложит, то стрелы ему испортит, перевязав пёрышки на хвостовике. И на этот раз за дело получил. Взял и парадный кафтан Грегора, в котором тот собирался ехать на смотрины невесты в Ригу, обмазал вонючим свиным навозом. Сразу и не видно, кафтан такого буро-зелёно-коричневого оттенка, но дорогуший из англицкого сукна пошит. Из-за этой выходки поездку к родичам невесты перенесли, отправили гонца в Ригу, мол, приболел хер Грегор, хер его знает чем. Будем через неделю. На этот раз брат не выдержал и отлупил младшего сильнее обычного. За дело.

И что вот теперь Ивану Фёдоровичу со всем этим делать? А вот хер его знает, хер барончик. Идти в общую спальню и, растолкав, затаившего обиду Григория, прощения среди ночи попросить. Так брудер это за очередное издевательство примет и нос точно переломает, если он ещё цел, а то и челюсть в нескольких местах. Оба старших брата пошли в отца. Богатыри, ростом за сто восемьдесят и плечи саженные. Один удар в челюсть и хрупким детским косточкам хана.

Поразмыслив, Зайцев решил отложить примирение с братом до утра. Однако, холод стал конкретно с сеновала выгонять. Сказывалась близость прохладного Балтийского моря. Ветер как раз северо-западный, с моря. Промозглый и холодный. Иоганн попытался залезть поглубже в солому. Тут и рука, и рёбра напомнили, что получил он очень неслабо, может и за дело, но ведь так и убить пацанёнка Гришка мог. А сломай он ему рёбра, а те бы проткнули лёгкое. И всё, современная медицина точно с таким не справится.

Медицина, кстати, была. И она... Чуть позже об этом.

Закапывание в солому помогло. И от движений Иван согрелся и от того, что сверху на себя навалил. Холодный ветер теперь над ним пролетал. Уснуть только снова не получалось. Хотелось есть, хотелось в туалет, почесать нос тоже хотелось. А ещё обстановка не располагала. Как тут уснёшь, если от ветра парусиновая крыша сеновала постоянно хлопает. В придачу от этих хлопков пыль сверху сыпется. Один раз сыпанула так удачно в открытые глаза, что потребовалось их долго тереть и слёзы выжимать, чтобы избавиться от мусора в глазах.

Ещё спать мешала сама солома. Вот, десятки книг есть, где герой или героиня с блаженством почивают на сене или соломе, ну на сеновале точно. Здесь была именно солома, то есть бодылья ржи озимой, которую уже убрали и даже обмолотили. Август на дворе. И никакого блаженства, лёжа на ней, а теперь, правильнее будет, в ней, Иван Фёдорович не испытывал. Она была колючей. Прямо колючей-колючей. Одновременно с десятка мест впивалась в кожу. А остья цепкие от колосков успели и под рубаху залезть, и в штаны. И чем больше ворочался Иоганн, пытаясь устроиться так, чтобы не колотья, тем больше в него впивалось острых стеблей, и тем больше раздражающей трухи попадало под одежду.

Солома не сено. Там аромат, там... Да всё там то же самое. Ну, наверное. Сено ведь это тоже скошенные злаковые, только дикоросы, и там полно соломинок острых и остей от колосков. Может если постелить толстую тряпку или попону... Ага! Воняющую липким, тошнотворным лошадиным потом!

Как ни ворочался Иван Фёдорович, а сон не шёл. Плюс воспоминания о медицине современной заставили попаданца задуматься об одном важном аспекте. А прошлое ли это его мира???

Событие восьмое

Экспертом по средним векам, да ещё в Германии, или в Прибалтике, Иван Фёдорович точно не был. Так разрозненные сведения из самых разных источников, в том числе и тех, которым доверять особо не стоит, например из Википедии или из книг про попаданцев. Но ведь известно, что где-то в это время злобствовала инквизиция. Сжигали ведьм, сжигали колдунов. Джордано Бруно ведь точно сожгли, и совсем не за астрономию. Сожгли за оккультизм, магию и ересь, чего-то там с непорочным зачатием и про троицу святую не то писал и говорил. Еретик и колдун, одним... а ну да, двумя словами. Может, чуть позже появится книга «Молот ведьм» и сжигать, и топить ведьм начнут тысячами.

И ничего такого нет в памяти Иоганна. Наоборот колдуньи, целительницы и целители, знахарки и прочие бабки шептуньи пользуются повышенным спросом и уважением. Есть одна колдунья и у них в дорфе Кеммерн. Она и зубы заговаривает и наложением рук лечит и травы разные собирает с грибами, а потом из них всякие отвары делает. Она же приворотные зелья варит, все девки у них об этом знают. А ещё она может видеть глазами птиц, что творится вокруг их замка и дорфа. Хотя может и врёт, Иоганн не проверял, да и как проверишь?! И никто её из священников не хватает и на костер не волочёт. Не волокёт. Как правильно? Живёт и процветает. Слава о великой колдунье из Кеммерна распространилась и до Риги, и Иоганн сам наблюдал, как к её дому подъезжали всадники на дорогих конях или приносили паланкины слуги, откуда выходили матроны в дорогих одеждах.

Но это бы ладно, целительницей и травницей можно бабку Матильду обозвать. А вот есть ещё один очень интересный персонаж в их баронстве. Кроме дорфа Кеммерн, недалеко от замка на реке Аа, или если полностью, то Западная Аа, есть ещё одно поселение – это бауэршафт (Bauerschaft) Слока. Поселение новое, в нём всего семь хозяйств, и организовал переселение людей сюда из Жемайтии семь лет назад сам барон Теодор Зайцев. Пригнал пленных и потом и семьи их перевёз. Жемайтийцы немцев ненавидели, но вот к русскому пошли. Тем более, он обещал пять лет с них никакого налога не брать. Работай, стройся, паши землю, богатей. Правда, один чёрт обманул их барон. На обзаведение лошадьми и прочим скотом, а также на строительство домов выдал им хер Теодор ссуды, но под большую пеню. Десятая часть в год. Так не хочешь не бери – живи в землянке. Теперь ещё и налог начали платить в прошлом году, тоже десять процентов. Но ведь восстаний, как в находящейся в десятке вёрст Жемайтии не устраивают. Трудятся и в самом деле богатеют. У всех по несколько коров и лошадей.

Так вот, в этом бауэршафте Слока поселился на отшибе кузнец, который время от времени впадает в раж и начинает выкрикивать пророчества. Зовут кузнеца Галминас. И что удивительно, ни православный батюшка из поселения боевых холопов (послужильцев) вплотную примыкающему к замку, ни католический святой отец из кирхи в Кеммерне не предпринимают никаких мер по изгнанию беса из кузнеца. Наоборот. Они как только этот период пророчеств наступает со всех ног несутся в Слоку и внемлют впереди остальной толпы слушателей, чего Галминас напроорочит. Выходит это у них так себе. «Жмудский язык», на котором вещает, закатив глаза, кузнец, знают оба священника очень плохо, хоть половина паствы у обоих только на нём и говорит. Потом по три раза переспрашивают у остальных слушателей, после того как Галминас, накричавшись, вырубится на несколько часов. Кузнеца уносят в его дом, а народ начинает обсуждать пророчества. Толку от этого полно. От пророчеств. Ужасы всякие выкрикивает кузнец про реки крови, про убитых и распятых младенцев, про геенну огненную. На месяц разговоров хватает. Ничего другое народ не интересуется. Урожай, цены на зерно и творог с яйцами, и вот «пророчества» страшные. Никто не бунтует, крови хватает и в выкриках кузнеца.

В баронстве есть третье поселение. Это послужильцы, приплывшие с боярином, построили себе дома прямо за стеной замка, с южной стороны. Можно обозвать это Посадом. Река Аа там делает загогулину в сторону моря, в центре замок и построен, в между концами этой подковы село Русское и раскинулось. Послужильцы в количестве пятнадцати человек до этих мест добрались. Ясно, что ни жён, ни детей нет. Всё это осталось там в страшно далёком Суздале, а у некоторых в не менее далёкой Вологде. Но как жить без женщин. Один привёз болгарку с крестового похода, трое венгерок, двое валашек. Остальные уже здесь обзавелись жемайтийками. Детки пошли. Хозяйство появилось вслед за домами, слуг ратники наняли, а тем тоже дома подавай. В результате, в селе сейчас с полсотни домов и даже вполне себе каменная церковь имеется с колокольней и большим домом, где батюшка Иаков и проживает, и паству окормляет.

В этом третьем поселении живёт третий человек, которого церковь должна преследовать. И этот, в отличие от первых двух, колдун настоящий. Всем колдунам колдун. Он из боевых холопов боярина Фёдора Васильевича Зайца. Зовут колдуна Трофим, прозвище Перун. И прозвище у него по делу. Трофим молний не пускает, как и громы, но он может взглядом на расстоянии поджечь дерево сухое или солому. А то и одежду на вороге. Не всегда. Для этого ему нужно сильно возбудиться. В бешенство должен впасть Трофим, чтобы воспламенить предметы или одежду на ворогах. И выходило-то это у него может всего с десятков раз. Но ведь есть очевидцы и даже именно Трофим спас в сражении у Никополя их отряд, воспламенив одежду на нескольких сипахах. Кони испугались у бронированных всадников, понесли, ломанулись к воде, и русичи умудрились вырваться из окружения, практически не пострадав, тогда как венгров и французов изрядно посекали или в плен взяли турки с сербами.

И опять ничего знающие о таком даре Трофима оба священника не предпринимают. Совершенно ничего! А ведь огонь в головах у верующих связан с преисподней и дьяволом. Странно это.

Под эти думы, а в своё ли прошлое он попал, в третий раз заснул, согревшись в соломе, Иоганн.

Событие девятое

Пробуждение было неожиданным. По нему кто-то ползал. И этот кто-то дополз до лежащей на животе левой руки. Вспышка боли не только пробудила Иоганна, но и подбросила вверх. До самого парусинового навеса.

– А-а-а! – завопил парень.

– А-а-а! – заверещали в ответ.

Иоганн потряс головой, сбрасывая с себя солому.

Теперь верещание переросло в отчаянный визг. И та самая рыже-рыже-конопатая девчонка заехала ему по уху кулачком, а потом с ещё более пронзительным визгом скатилась с сеновала, опять, как и вчера, умудрившись приземлиться на ноги. Как кошка прямо, сумел удивиться попаданец.

Теперь Иван Фёдорович знал, как эту рыжую кошку зовут. Это дочь служанки баронессы «фрайфрау» (нем. Freifrau) Марии, его мачехи. Служанку тоже зовут Мария. А вот эту рыжую бестию – Герда. Они с Дании. Какие-то дальние-предальные разорившиеся родственники барона Отто фон Лаутенберга – отца фрайфрау Марии, ну и её самой, естественно. Но никакие не бароны. Отца у Герды нет. Он был капитаном корабля и исчез вместе с кораблём на просторах Северного или Балтийского моря. Тогда, насколько понимал Иван Фёдорович, семейство и разорилось, а потом вынуждено было всё продать и переехать приживалками к родичам под Ригу. Девчонка была дикой. Явно пацаном должна была родиться. Она не играла с куклами, а носилась с посадскими мальчишками, играя в рыцарей и сарацин. А ещё она была воровка. Нет, не серебряную посуду из комода тырила. Она крапа на кухне продукты и подкармливала карапузов из русского села. Те не голодали, все жили вполне справно. Просто хобби такое. Принести с собой ковригу горячего ещё хлеба и, отрывая куски, совать их мелкоте под их хныки. Ну, а от тёплого ароматного хлеба и сытый не откажется. Лакомство. Герда была года на два младше Иоганна, и они частенько дрались.

Иоганн оглядел с высоты сеновала двор. Обернулось на пару секунд несколько человек вслед взбалмошной девчонке и опять своими важными делами занялись. Визжащая Герда – это совсем не чудо.

– Нужно идти к Матильде, – сам себе прошептал по старой привычке, говорить с самим собой, Иван Фёдорович и стал очень аккуратно, не тревожа руку, рёбра и, тем более, нос, спускаться по лесенке вниз.

Окликнули его, когда Иоганн уже из ворот замка выходил. Шёл эдакой ленивой походкой по двору, мол, скучно мне чего-то, пойти что ли на реку глянуть.

– Иоганн, тебя Александр с утра шукает! – раздалось за спиной с надвратной башни.

– Потом, Семён. Вернись и найду его, – парень чуть ускорился, но так, чтобы на бегство это похоже не было. И не обернулся, чтобы его, без сомнения, синюю рожу не увидел боевой холоп отца. Даже не просто холоп, а десятник.

Пронесло. Семён удовлетворился ответом. До центра Кеммерна, где стоял высокий бревенчатый дом колдуньи, было пару вёрст, и по жаре в полдень эта экскурсия для побитого мальчишки оказалась настоящим испытанием. Дико хотелось укрыться в тени и выпить кружку ледяного молока с погребца.

У дома Матильды, как, впрочем, и всегда, стояла небольшая очередь. Человек пять. Нет, не пять человек, а именно человек пять, так как один из очередников был без ног. Обрубки чуть ниже колен. Персонаж этот Иоганну был неизвестен. Возможно, из Риги... И как он три десятка вёрст мог на таких... ногах прошагать. Да тут несколько дней нужно. Или подвезли? Возможно. Не раздумывая, и даже не собираясь спросить, кто к бабке Матильде крайний, хер Иоганн прошёл к крыльцу и потянул на себя дверь.

– Ты чего такой прыткий? – крикнул ему вслед инвалид на ломанном – переломанном немецком, но парень, не оборачиваясь, и не снисходя до ответа, открыл дверь и шагнул в сени.

– А пришёл. Чего тянул, вчера ждала, – бабка Матильда на ведьму или там бабу Ягу, с седыми космами и бородавками на всех местах, не походила ни разу. Колобок такой добродушный розоволикий с соломенного цвета кудряшками. И лицо вполне миловидное и никаких бородавок или больших родинок.

Иван Фёдорович мысленно усмехнулся, представил себе рекламный проспект на избушке бабы Яги: «свожу бородавки, делаю пилинг» и цветная фотография этой колдуньи с бородавкой на носу.

– Спал, – решил резануть правдой по колдовству Иван Фёдорович.

– Ещё бы пару дней и так бы и остался с кривым носом. Садись в угол на скамейку, – колобок отвернулся от Иоганна и ткнул пальцем в закрывшую лицо девку. – Три глотка. Сделаешь четыре и сдохнешь.

Глава 4

Событие десятое

Девка чего-то пискнула – ойкнула. Иоганн не смотрел на неё, ну она и спиной к нему сидела теперь, чего на спину пялиться. Он на стены смотрел. Приковывали они помимо его воли внимание. Там всякие пучки трав, на полочках горшочки и плоски, а рядом черепа мелкие. Ни археологом, ни зоологом Зайцев Иван Фёдорович не был. Собачьи? Кошачьи? Крыс? Нет, не знаток. Не череповед. Зачем стоят на полках? Для человека из двадцать первого века ответ очевиден – это антураж. Эти маленькие былые черепа должны вызывать почтение к хозяйке этих хором, ну или склепа. Непонятное пугает, а страх способствует уважению. Черепа не одинаковые. И не только размерами отличаются, строение тоже разное. И зубы разные. У ближайшего чуть не на сантиметр вверх и вниз клыки торчали. Увеличь череп раз в десять и получится черепушка саблезубого тигра. Жуть.

– Сюда теперь садись, – поглощённый созерцанием стен, Иван Фёдорович и не заметил, как девка исчезла. Матильда ткнула пальцем на скамью в углу комнаты. Там хрень деревянная стояла. Аппарат Ломброзо?! Дуга деревянная на стойке и крепления в виде клинышков, оббитых бархатом, рядом лежали. Садиться на эту скамью и то страшно, не то что голову в эту дугу пихать.

– Страшно, – так Иван Фёдорович и сказал. Правда она полезна в умеренных дозах.

– Нос вправлять надо, а то кривым будет... Да ты себя видел, неслух? – бабка сунула ему бронзовое или латунное полированное зеркало. Ну, так себе видимость, да ещё этот жёлтый спектр. Но рожа синяя почти вся, под глазами особенно, там чуть не чёрная и нос действительно на сторону завален. Боксёр! Роки.

– Матерь Божья!

– Не богохульствуй! Садись! – бабка Матильда перекрестилась и барончика, схватив за руку, запихнула в угол.

Иван Фёдорович глаза закрыл. Лучше не видеть процедуры. Кстати, он даже знал, как она называется. Видел в поликлинике на стене плакат. «Репозиция костей носа». Там была нарисована палка, что в одну ноздрю вставляется и пальцами нос ставился на место. А вот про обезболивание на том плакате ничего не было. И Матильда почему-то не спешила к нему со шприцем одноразовым, ладно, хрен с ним, пусть стеклянным многоразовым, из СССР. Да и вообще не спешила. Иоганн один глаз приоткрыл. Колдунья стояла к нему спиной. Слышен был стук металла о керамику.

– Пей.

В руке у бабки была пиала серо-белого цвета, и это не краска, это белая глина – каолин. Строитель в голове со скошенным носом и синяком во всю харю возбудился. Каолин – это просто здорово. С него бы и начать, как положено в книжках, прогрессорствовать. Используя белую глину, можно... Потом.

От пиалки – чашки шёл вполне себе приятный запах. Растительный, цветочный? Ну, серой точно не воняло, не из Ада питьё. Кровью тоже... Стало быть и не из младенцев выкачано, хоть на вид и красновато-коричневое. Зажмурившись, Иоганн влил в себя довольной густую жижу. Итить-колотить! Это было горько. Прямо, горько-горько! Как на свадьбе. Челюсти свело, глаза выпучило, а нос сам на место встал. Ну, почти. Матильда сунула ему в нос палку и точно, как на плакате нарисовано, пальцами поставила кости носа на место.

– АААА!!!

– Не ори, всё уже. Иди отсюда. Штаны постирай. Срамник, – Матильда сунула паклю ему в ноздри.

Иоганн глянул на штаны. Спереди мокрые. Это он от боли чудовищной не сдержал мочевой пузырь. Хотя лужи под лавкой не наблюдалось. А чуть-чуть не считается?

– Ты, неслух, нос не трогай и руку примотай к груди. А сейчас домой быстрее дуй, плохо всё у тебя в дому.

Пошатываясь, придерживаясь руками за стену с полками, и при этом чуть не уронив один из черепов, Иоганн добрался до двери и толкнул её от себя. Дверь не открывалась. Замуровали всё же демоны. Зайцев сильнее толкнул. Нет, дверь и не думала поддаваться.

– Заперта, – сообщил новость колдунье Матильде Иоганн.

– Дурень! Потяни за ручку, – наверное это был смех. Проквохтало чего-то позади.

– Двери должны наружу открываться, – буркнул под нос, сломанный, себе строитель, – по «Системе противопожарной защиты. Эвакуационные пути и выходы».

Дверь легко поддалась. Ну, прямо как в «Кавказской пленнице», сплюнул мысленно Иван Фёдорович и буркнув «Данке» вышел в сени. Дверь на улицу уже попробовал в обе стороны. Но и эта внутрь открывалась.

– Куда пожарники смотрят?

На улице ничего не изменилось. Инвалид опять обжёг глазами. Злой чего-то. Не, ну а как он себе жизнь представляет? Чтобы баронский сын со сломанным носом за ним в очередь пристроился?

– Я с вечера занимал, вчера, – по-русски пробурчал Иоганн, проходя мимо злого мужика.

Идти назад было в сто раз хуже, чем сюда. Солнце вылезло в зенит и русую голову припекало. Ветер прохладный с моря совершенно стих, и сделал он это точно назло пацану. А ещё мимо пропылили трое послужильцев отца и подняли столько пыли, что, когда она осела, мокрое от пота лицо барончика покрылось настоящей коркой из грязи.

– Сволочи! – крикнул им вслед Иоганн и полез руками лицо протирать, но отдёргнул руку. Две мысли одновременно в голову пришли. Первая – уж больно послужильцы торопятся в замок. А вторая, про сказанное бабкой Матильдой: «... плохо всё у тебя в дому». Поспешить советовала колдунья. Побежать не получилось. И без того нос болел, а при беге уже на втором шаге выстрелил вспышкой боли. Пришлось переходить на быстрый шаг. В селе Русском тоже был переполох, все бегали туда-сюда от дома к дому по улице или дороге, точнее. И дети бегали, и бабы. А у самых ворот его ещё три всадника обогнало.

– Ивашка, сюда быстрее иди! – махала ему от колодца бабка Лукерья – главная кухарка замка. – Отец несколько раз тебя кликал и братья обыскались.

Событие одиннадцатое

Первым, прямо на пороге, Иоганну попался Гришка, он подтянул к себе брата, но глянув на синее с чёрным лицо, отпустил и сплюнул смачно на застеленный соломой деревянный пол коридора.

– Иди к отцу. Уезжаем на войну. Быстрее иди.

Ну, да 1409 год на дворе. Сейчас будет вялотекущая война, а на следующий год Грюнвальдская битва, если это тот самый мир. Всё же Матильда и Трофим Перун не сильно с тем, что знал Иван Фёдорович про инквизицию, коррелировалось. Да и кузнец со своими пророчествами. Или все эти ужасы позже начнутся, лет через сто? Или всё врут календари.

Отец сидел в каминном зале. Через узкие окна под потолком в большой зал врывались три снопа света, ясно видимые в летающей по помещению пыли. Один из них падал прямо на голову, сидевшему в большом резном деревянном кресле, грузному седобородому мужчине. Барону под пятьдесят. Отяжелел. В руках у Фёдора Васильевича был большой меч – бастард,

в навершие которого был вставлен обработанный рубин. Барон двигал рукой взад – вперёд, заноса самоцвет в луч света и убирая потом. Как ни странно, но рубин был с гранями, не под кабошон обработан. И от граней, когда на них попадало солнце, по закопчённому потолку пробегали кровавые зайчики. А один всё время плясал на груди отца Иоганна. Прямо пророчил беду этот зайчик.

При появлении мальчика, барон бросил играть солнечными зайчиками и чуть сощурился, разглядывая сына.

– По делом. Наука будет. Взрослеть пора, Ванька. В общем так... – отец протянул меч гардой вперёд сыну. – Вернулся я вчера из Мариенбурга. 6 августа Великий магистр ордена Ульрих фон Юнгинген объявил войну Польскому Королевству и Великому княжеству Литовскому. Грамота в тот же день была отправлена польскому королю Ягайло. Завтра же я с Григорием, Александром и всеми послужильцами отправляюсь в поход. Сбор войска, к которому приписано моё копьё, назначен в Мемеле. Ты в баронстве остаёшься за старшего. Вот и повзрослеешь сразу. Не трясись, – увидев, что сын выкатил глаза, хмыкнул барон. – Бери меч. Считаю, власть тебе передал. Хотел Гришку оставить, так прибуёт он тебя. К тому же великий магистр там обещал его и Александра в рыцари посвятить. Золотые шпоры выдать. Перевесил этот довод. Хозяйством останется управлять Отто. На кухне Лукерья есть. Отец Иаков под боком, советом поможет. Да и, думаю, не долго эта война продлится. Не ровня нам ни ляхи, ни литвины. Что мы лапотников не разгоним?! Я Отто сказал, чтобы Сколе расширял, дома начал строить, пригоним с десятков пленных, – барон вдруг хлопнул себя ладонью по лбу. – Да, в Мариенбурге я договорился... В общем... Сюда через седмицу прибудет... монах не монах, студент не студент. Учился в университете в Эрфурте, но родители настояли, чтобы он пошёл в священники. В прошлом году он был рукоположен, там же в Эрфурте, но чего не знаю, там не поделил с епископом и сбежал, хотел рыцарем стать. И тут умудрился поругаться с Великим магистром ордена Ульрихом фон Юнгингеном. В результате остался без денег. Ко мне прибился, чтобы я его в отряд взял. Ну я его поставил с Перуном в пару, чтобы испытать, так этот поп расстрига умудрился руку себе сломать. Я-то рванул дружину собирать с Перуном, а он с обозом едет. Говорю, через седмицу прибудет. Я с ним договор заключил. Будет тебя обучать. Латынь и греческий. Медицина с алхимией. Математика. Что знает, тому и будет учить. Ну, а как пятнадцать тебе будет, поедешь в этот Эрфурт в университет. Зовут его Мартин...

– Лютер? – ещё сильнее вылупил глаза пацан.

– Почему Лютер, нет, не Лютер. Не перебивай. Зовут его – Матрин фон Бок.

Фон Бок? Предок того фон Бока, что не смог взять Москву, поругался с Гитлером и всю войну почти просидел у себя в имении, а погиб... Что-то там... под бомбёжку попал, кажется. Ну, чёрт с ним с тем фон Боком, а этот прямо подарок. Выучить латынь и поступить в университет, классный план для попаданца. Они все попадают в академию магии. Ну, нет здесь академии, а вот университеты есть. Почти то самое.

– Ты слышишь меня, Ванька? – снова ткнул навершием меча в живот Иоганну барон.

Иван Фёдорович правой вполне здоровой рукой принял рукоять бастарда и не удержал на весу, брякнул остриём о кочергу стоящую в подставке возле камина. Не, не десять кило весил полторник. Где-то полтора кило и весил, возможно чуть побольше, просто не ожидал.

– Осторожней! – отец вскинулся. – Это меч Ангеррана VII Коричневого – маршала Франции. Я на совете у Никополя именно у него такой видел, а мы потом у бесерменов отбили. Если что... – барон пренебрежительно махнул рукой на юг, в сторону Польши и Ливонии, – да, справимся, но, если что, сохрани и потом сыну передай, как и рассказ мой о том, как он нам достался. Наследие. Реликвия...

– Я сохраню, – у Ивана Фёдоровича горло перехватило.

– Сохрани. А сейчас иди с братом помирись, покайся. Мало ли что... – барон махнул рукой, сына отпуская.

Гришка стоял за дверью.

– Прости меня, брат. Дурак был. Теперь поумнел, – Иоганн ткнул пальцем в свою синечёрную рожу свою с торчащими из носа кусками пакли, что туда перед уходом Матильда напишала.

– И ты меня прости, брате! – амбал подтянул пацана к себе и прижал к груди.

Всё – мир. Жвачка.

Событие двенадцатое

Дружина, отряд, копьё барона фон дер Зайцева тронулось к Мемелю рано утром на следующий день. Огромный обоз получился. Никто там в том Мемеле, а потом и в Грюнвальде, где бы это не было, не озаботится из руководства Тевтонского ордена твоим пропитанием. Сам должен всё с собой привезти. А отряд получился не маленький. Сам барон Теодор, двое его сыновей и тринадцать боевых холопов. Все на хороших лошадях, практически дестриэ. По крайней мере – их потомки, так как тридцать рыцарских коней барон из очень неудачного для венгров и франков крестового похода на Никополь с собой в имение привёл. Четырнадцать лет прошло. Сейчас барон мог бы и вдвое больший отряд снарядить, и отбитых у турок доспехов хватало, и оружия, а кони размножились, и теперь их у Зайцевых под шесть десятков. Вся дружина одвуконь выехала из ворот замка. Следом тронулось тридцать телег с продовольствием и фуражом.

Нет, в Мемеле можно будет продуктов купить, как и овес лошадям, город не малый и порт там есть. Вот только все последние десять лет Фёдор Васильевич почти в тех местах и почти с теми же людьми воевал и сделал вывод, что лучше везти своё продовольствие. В Мемеле оно выйдет в три раза дороже, а кое-что и в пять. Особенно овёс для лошадей. И их управляющий – Отто Хольте присоветовал барону наоборот, взять с собой пяток возов с овсом лишних и там продать в Мемеле за цену в пять раз больше, чем дадут в Риге.

Возчиков и телеги барон нанял. Чуть не половина местных этим промыслом подрабатывало. Только пять телег с оружием и бронями везли жители Кеммерна. Этих Фёдор Васильевич в счёт отработки барщины привлёк. Брал средних сыновей из многодетных семей. Они останутся с бароном до конца войны. Не на себе же тяжеленные доспехи возить по всей Прибалтике, а потом по Польше с Литвой, когда рыцари будут гнать унтерменьшей в хвост и в гриву. Молодёжи этой даже оружие выдали. Сабли и арбалеты. Сумеют ли воспользоваться? Сомневался Иоганн. Но шанс был. Каждый год у себя в баронстве Теодор фон дер Зайцев устраивает турнир зимою. Все мужчины до единого должны из арбалетов и луков стрелнуть по мишеням десятков раз с разных дистанций. Победители получают по три шиллинга, арбалет или лук приличный, вторые уже только по два шиллинга и третьи – по одному. Так что стрелять юноши эти точно умеют. Три шиллинга – приличные деньги. Даже очень приличные, и не лень народу взять у победителей прошлых состязаний арбалет и потренироваться, слушая вдумчивые и полезные советы этого победителя. Ему ведь уже нельзя повторно участвовать, а опыт передать в радость, тем более, за кувшин сидра. Но уметь стрелять и принять участие в бою, когда на тебя с гиканьем несётся татарская конница, и стрелы, ими выпущенные, небо закрывают, это разные разности.

Ивана Фёдоровича подмывало предупредить бывшего боярина, что Грюнвальдскую битву рыцари проиграют. И магистра даже убьют. А виной тому станут русские полки, не убежавшие с поля боя, и татарская конница. Не сказал. Как обосновать? Дескать, видение было. А что он знает об этой битве? А вот больше ничего. Даже не знает, где этот Грюнвальд и что это такое. Название города? Название реки? Название дорфа – деревни? И не вымысел ли половина того, что он знает?! Историю пишут победители. Вот, в русских учебниках и превозносят русские полки. Опять же, не все же рыцари примут участие в битве. Там будет разгром, но

потом новый магистр соберёт разбежавшихся рыцарей и новых прибавит и ляхов выгонят из Пруссии и побьют всех восставших в Жемайтии. Или нет? Опять какие-то обрывочные воспоминания. Возможно, если отец едет не в столицу Мариенбург, а в Мемель – город, который на приличном расстоянии от границы, он и не будет принимать участие в проигранной битве.

В общем, ничего Иоганн ни братьям, ни отцу не сказал. Сейчас стоял рядом с мачехой на крыше донжона и рукой махал, провожая удаляющийся отряд. Солнце только выглянуло из-за горизонта и светило в спины едущим на запад всадникам.

Фрайфрау Мария всплакнула, сестрёнка младшая Василиса (Базилиса – Basilisa) ударилась в настоящий рёв, отец Иаков крестил ратников в спины справа налево, а его католический соратник, прямо рядышком стоящий, слева направо. Идиллия просто, чада и домочадцы провозжают господина на войну.

У Ваньки – Иоганна в руках бастард. Длина меча равна росту пацана. Оба где-то метр тридцать. Держал его наследник в правой здоровой руке за длинную рукоять, уперев в перекрытие донжона. Наверное, смешно смотрелось. Но Иван Фёдорович об этом не думал. Предчувствие нехорошее шебуршалось в душе. Чувствовал или предчувствовал парень, что не вернутся назад родичи. Да, они ему никто. А ещё бывший Иоганн, которого этот боров Гришка скорее всего убил, раз в него перенеслось сознание Ивана Фёдоровича, просто ненавидел старшего брата. Как не питал особой любви и к Александру. Но вот теперь они уезжали, и уезжали навсегда, бросив на него непонятную структуру, баронство это, да и мачеху с сестрёнкой. И к этим обоим не горел любовью Иоганн.

– Иоганн, зайди завтра ко мне, – вырвал из размышлизмов пацана отец Иаков. – Чувствую я, тебе есть в чём покаяться.

Глава 5

Событие тринадцатое

А поболеть можно???!!!

Да, пожалуйста... только на бегу. Утром Иоганн решил умыться. Решил и пошёл в ванную комнату. А нету. Ни умывальника нет, ни ванной комнаты. И никто, как в романах про попаданцев, горшков ночных не выносит и с кувшином и тазиком не приходит. Горшка, кстати, и нет совсем. Неправильный он вообще попаданец. В книгах всё по-другому. Там красиво всё, валяй себе горничных в перинах и потом езжай в карете в академию магии, где между дуэлями и демонстрации своих знаний великих учителям тупым, нужно валять одногруппниц. И преподавательниц молодых, чего их не валять-то, если они валяются. Всегда поражал этот кусок в книгах Ивана Фёдоровича. Чего девки-то в академии делают, да в средние века процент грамотных женщин был близок к нулю? Гораздо позже всякие Бестужевские курсы появились.

Ладно бог с ней с Россией, но и в просвещённой Европе тоже позже. У них на кафедре на стене висела отлитая в бронзе табличка, ну как приколы. «Знатным женщинам положено получать хорошее воспитание, но не образование, которое им совершенно не подходит». Внизу была фамилия автора – Леонардо Бруни и год выхода его книги 1405. То есть, всего четыре года назад. В это время, если женщина умела читать... А читать можно только на латыни, то это в аналы истории попадало. А совместное обучение с мальчиками девочек?! Перебор. В СССР-то ввели после войны, году в 1955. Правда, в 1918 тоже ввели совместное обучение, равноправие должно быть, но потом умники в министерстве решили, что мальчиков нужно готовить к труду и обороне и опять начали вводить раздельное обучение. Следовательно, даже если он поступит в университет, как решил отец, то однокурсниц там не будет. Как и молодых преподавательниц. Да и старых тоже. Невезуха. Мир надо менять.

Спустился, чтобы умыться, Иоганн во двор. Вспомнил про ту бочку у стены полутора-этажного хозяйственного дома. Бочка была на месте. И она была полна воды. И даже стало ясно сразу, что она и являлась, в том числе умывальником, для обитателей замка. Вот только это знание радости Ивану Фёдоровичу не доставило. Над бочкой нависал их длинный, худой как самая высушенная вобла, управляющий Отто Хольте. Дядьке лет сорок, наверное, даже с хвостиком. Хвостик имелся. Волосы на голове были чёрной лентой связаны в конских хвост. Сиво-блондинистые были волосы. Капли воды стекали по чеховской бороде, седой напололам, и усам, ещё более седым, назад в бочку и это было бы терпимо, но этот немец – перец – колбаса плевался в неё, отфыркивался и сморкался. И как после него умываться?! Не, настолько толерантным и небрезгливым Иван Фёдорович не был. Расхотелось умываться.

Нужно изобрести умывальник. Как в армии у них был, с пипочками, чёрт его знает, как эта штука на самом деле называется. Шток? Клапан? А может так – «пипочка» и называется?

Иоганн подождал, пока управляющий вдоволь насморкается в бочку, и окликнул его.

– Герр Отто, мне нужен небольшой лист бумаги и карандаш.

Немец утёрся подолом белой довольно рубахи (то есть, нужно ещё и полотенце изобрести?) и глянул на небо. Ага, понятно, ждал пока лист бумаги спикирует с небес. А не получилось чуда. Не колдун, выходит. Даже карандаш не смог заколдовать.

– Я принесу, Иоганн. А скажи мне, зачем тебе это? – и взгляд как у Марьванны из анекдотов про Вовочку. Точно подвоха ждёт. Теперь нет брата Гришки, и этот бес малолетний, по недоразумению названный Иоганном, а не Вельзевулом, будет издеваться над ним.

– Хочу кузнецу заказ один сделать.

– Хм, надеюсь во благо? – точно подозревает в чем-то нехорошем, а сам, блин, всю бочку оплевал и обсморкал.

– Клянусь Девой Марией! – интересно, а почему здесь мать Христа почитают больше, чем самого Христа, и при этом к женщинам относятся как к вещи говорящей?

– Пойдём, прямо сейчас выдам, а то потом закручусь. Уборка урожая идёт. Забот хватает. Мне покажешь? А то у кузнеца хватает работы, – управляющий потряс головой, с бороды стряхивая капли на Иоганна, и, развернувшись на пятке, быстрыми шагами направился к тому самому полуторазтажному дому. Там на полуторном этаже, в мезонине пусть будет, хотя, скорее, в мансарде, окно больно маленькое и стен практически нет, и была его комната, где немец и спал, и ел, и вёл учёт доходам довольно большого хозяйства барона фон дер Зайцева.

В огромной мансарде мебели было... три. Стол стоял, заваленный бумагами. Это шутка. Там четыре листа серо-коричневой бумаги формата А4 лежало. Но ведь не стопкой. Вразнобой лежали. *Хде* немецкая пунктуальность и педантичность? Где орднунг? Ещё на столе стоял глиняный подсвечник с маленьким огарком свечи и лампа масляная, почти как у Аладдина и явно из тех мест. А раз чёрная почти, то должно быть из серебра? Дорогая тогда вещица. Второй мебелью была скамья у стола. Эдакая садово-парковая, со спинкой. В углу подальше от окна была кровать с балдахином складчатый. Окно открыто, и раз август, и конюшня рядом, то в мансарде было полмиллиона мух. Если их всех поймать и спрессовать, то можно курей десяток целый год кормить такими брикетами. Наваристые потом будут куры. Тьфу.

– Держи, штифт потом вернёшь.

Штифт (Stift)? Свинцовая палочка. А вот интересно, когда слово карандаш появилось и что оно значит, как переводится? Кара – это чёрный. Из тюркского, стало быть. Даш? Пусть будет – камень.

– А можно два листа, хочу ещё и плотнику заказ сделать, – это Иван Фёдорович сейчас придумал, разглядев четвёртую мебель в комнате Отто, тот из неё выудил лист небелой бумаги. Под столом стоял сундук и исполнял обязанности шкафа для одежды, книжных полок и ящиков письменного стола. В замке есть плотник. Чего бы его не озадачить изготовлением всех этих нужных предметов. Эксплуататор он или нет?!

Событие четырнадцатое

Зовут кузнеца Галминас. Ну, как зовут? В церковных книгах так записан. Русские же никогда иностранные имена и фамилии не запишут и не произнесут как положено. Обязательно исковеркают, под себя переиначат. Потому, русская часть баронства зовёт кузнеца Гена. Но и жемайтинцы тоже по имени родному кузнеца не зовут, обзывают Угнисос, это огонь по жемайтски. Полностью Галминас этому прозвищу соответствует. Во-первых, он кузнец, во-вторых, он рыжий, не прямо, как огонь, но рыжий. А ещё правая рука у него прилично обожжена, вся такая корявая в страшных шрамах. Смотреть на неё жутко, словно лапа огненного демона из Преисподней. И имя демону – УГНИСОС! Жуткая жуть.

С размещением заказа на умывальник у Гены Угнисоса сразу не заладилось у Иоганна. Две вещи выяснилось новых для Ивана Фёдоровича. Первая – далеко не все в мире знают русский. Как, впрочем, и немецкий. И вторая. Он сам не знает жемайтский. Спрашивается, какого чёрта, ты тут живёшь, мать твою, да хоть и без матери, общаешься с народом, так выучи язык. Немецкий же выучил, русские ещё, русский матерный опять же. Почти полиглот, так освой ещё и язык, на котором все вокруг общаются. Нет. Так, по самым-самым верхушкам. Есть, пить, дай. Этих слов точно недостаточно, чтобы объяснить такую сложную техническую придумку, как рукомойник. Ну и кузнец гад. Живёт в немецком государстве и у русского барона, возьми оба языка и выучи. Нет, не бельмеса. Только: эссен, тринкен, шиллинг. Менять нужно население.

Кузнец жаром пыхал, вышел раскопчегаренный из своей бездны и, хлебнув воды полный ковш, и второй на голову вылив, ткнул пальцев в рожицу синюю Иоганн. Заржал. В прямом смысле, смех дурацкий такой.

– И. Га-га. И. Го-го.

Дальше околесицу на тарабарском понёс. Иван Фёдорович ему рисунок умывальника сунул и стал сверхзадачу ставить на русском. Головой крутит кузнец. Парень перешёл на немецкий, головой трясёт кузнец.

– Твоя мая понимай? Вот так арбайтен. Дарути (делать – литовский).

Головой трясёт и пальцем страшным в листок тычет, говорит чего-то. Вроде лес пожемайтиски прозвучало. Это кузнец что, лесом его послал?

Иван Фёдорович плюнул и пошёл в католическую церквушку в центре Кеммерна. Святой отец Мартин точно знает местный язык, отец Иоганна барон Теодор всегда его в качестве переводчика привлекал, тоже не боярское это дело язык хлопов учить. Знает он его так себе. Но точно лучше Иоганна.

Эта постройка, насколько Иван Фёдорович разбирался в архитектуре, называется у католиков Ораторий. Небольшая полукруглая церквушка пристроенная одной стороной к жилому дому, в котором и обитал святой отец Мартин. Бытует мнение, что это у русских батюшек семья обязательно есть, с попадьёй, а у них там у католиков полный целебат. Так нет. У низшего белого духовенства и у католиков семьи. Не у всех и не везде, но есть. Отец Мартин был поляк из греко-католиков, и у него имелась жена и четверо детей. У православных к жене священника обращаются матушка, а тут в католическом мире – имость.

Эта самая имость Иоганну и открыла, когда он в дверь оратория постучал.

– Иезус Мария! – увидела полная низенькая женщина с метлой в руке синюю рожу пацана и попыталась его огреть метлой.

– Имость Гонората! Это я, Иоганн! Позовите святого отца! – с большим трудом, но увернулся от летящей в лоб метлы барончик. Метла всё же шоркнула по подбородку, оставив запах чего-то горького. С полыньёю пол моют? Чтобы всякие блохи не заводились?

– Иезус Мария! Иоганн?! Ты побывал в Аду? Хочешь исповедаться, но ты ведь не католик? Тогда зачем тебе нужен Мартин? – забросала имость его вопросами. Но метлу держала под рукой. Не иначе для второго более точного броска.

– Прямиком из Ада. Позовите отца Мартина, меня за ним послали, – ну, а чего, ей можно метлой баронского сына охаживать, а ему пошутить нельзя.

Хрясь. Метла в этот раз в лоб врезалась, а дверь с треском почти сразу закрылась. Плохо мы воспитываем нашу молодёжь. Не, ну так-то имость Гонората Ивану Фёдоровичу в дочери годилась.

– Святой отец! Это Иоганн! Вы мне нужны! – завопил парень, когда горечь полынную с лица стёр, очень аккуратно не касаясь носа.

Пару минут стояла тишина, а потом священник всё же соизволил выйти. Смотрел осуждающе. Жена успела пожаловаться.

– Та, сын мо... – продолжал жевать святой отец, видимо вопли Видоплясова его прямо из-за стола извлекли.

– Отче, мне помощь ваша нужна. Хочу кузнецу одну штуку заказать. Переводчик нужен. И ещё вы не могли бы учить меня жемайтискому языку? – отец Мартин был на жену похож, или она на него. Два колобка, народ, понимаешь, голодает, а они отожрались. Хотя, насколько Иоганн помнил, в последние годы в баронстве точно никто не голодал. Хорошие лета были, с урожаем пахари.

– Пся крев! Прости, Господи! Иоганн, ты ещё черней и синей, чем был вчера. Языку? Чудны дела твои, Господи! Ты ли это, неужто бес покинул тебя, не вынес твоих проказ. стыдно ему стало?

Событие пятнадцатое

Оказалось. Да, думал показалось. Оказывается, любой труд должен быть оплачен. Это без всяких намёков ему преподобный отче «намекнул». На свечи де денег не хватает, да на муку для куличей. Один грош (нем. Groschen, от denarius grossus или «толстый пенни») в неделю. Грош – это всего одна тридцатая немецкой марки. Это за уроки. Не дорого, решил Иван Фёдорович. Получается марка в полгода, даже чуть больше в году пятьдесят две недели. Что такое две марки в год. Отец, уезжая, выдал ему мешочек с двадцатью марками, и походя так выдал, видимо для него не очень большие деньги. А за перевод у кузнеца и, вообще, за общение с сим типом, отец Мартин потребовал пять – шесть пфеннигов. М? Это уже высшая математика. В гроше двенадцать пфеннигов. А в шиллинге? Запутали. Запутал их преподобие.

Кузнец Угнисос – Гена сидел, привалившись к стене кузнецы, и попивал молоко из большого, литра на два кувшина. И этот был из белой глины, не коричневым был – серым. Иван Фёдорович ещё одну зарубку сделал, нужно узнать, где тут залежи белой глины.

– Он говорит, что железку и ответную часть делает, а вот само ведро нужно делать деревянным, – пояснил священник после бурного обсуждения с маханием рук и регулярным крестным знаменем. Ну и всё это на повышенных тонах. И чего, спрашивается кричали, если всё так просто.

Ага, вот чего его Гена лесом послал. Это не лес, а из дерева. Мог бы и сам догадаться, что сейчас железо дорого, а вот ведра и бочки всякие из дерева и плохонький бондарь смастерит.

– Гут. Шток должен плотно запереть клапан. Вода не должна бежать, – согласился с деревянным рукомойником Иоганн.

Кузнец кивнул и стал что-то быстро говорить святому отцу, показывая руками, как он на велосипеде катается по кривой дороге. Да, уж, всё страньше и страньше. А уж когда отче Мартин перевёл то, что сказал кузнец, то Иван Фёдорович заподозрил в Гене собрата по попаданчеству.

А чего. Пророчествует. Ну, так это каждый попаданец может. Живёт бобылем. Ну, наверное, там семья осталась, и он надеется вернуться. Так, это ладно. Галминас просил денег у Иоганна, чтобы сделать колесный плуг.

Ни агрономом, ни фермером Иван Фёдорович не был. Как устроен плуг знал только по картинкам, но в этих картинках видел приписки, что ещё в Риме это чудо изобрели. Не в современном, а в том, древнем. И вот, оказывается, всего полтора тысячелетия понадобилось, чтобы о такой полезной вещи вспомнили.

– Он говорит, что видел в Риге на рынке, франки продавали. Он сможет такой сделать, если ему дадут семь шиллингов на хороший металл, – нет, не попаданец, выходит. Просто мастер. Любопытно ему такую сложную штуку попробовать изготовить. Плуг?

Плуг? Иван Фёдорович задумался, семь шиллингов сюда, за умывальник, за учёбу, бамс и половины огромной суммы, как ему казалось, уже нет. А ещё только обед первого дня его самостоятельной жизни. Вот и думай?

– Хорошо, преподобный отче, скажите ему, чтобы вечером пришёл к замку, я выдам ему деньги.

– В своём ли ты уме Иоганн?! Это огромная сумма. Зачем тебе плуг, ты собираешься сам пахарь землю? Ох, нужно мне переговорить с Отто Хольте, большую ошибку твой отец допустил, оставив тебя одного. Думаю, твоя мачеха гораздо разумней тебя, нужно было всю власть ей передать в баронстве, пока Теодор сражается с язычниками.

А ведь это не все ещё траты. Он же хотел заказать плотнику книжные полки, стол с ящиками и шкаф для одежды. И хоть плотник как бы работает на барона и живёт в замке, но чув-

ствовал Иван Фёдорович, что и Игнациус – их плотник потребует денег. На рыбий клей, на гвозди, на доски из дуба, на лак, да найдёт, как из пацана деньги вышибить.

Оказалось даже хуже, чем предполагал Иван Фёдорович. Игнациус повертел его чертежи и стал репу чесать, репа была большой. Сам плотник был здоровяк, да ещё голова нестриженная и нечёсаная тоже была ряхой настоящей.

– Нужно ехать в Ригу, молодой господин. Тут вот на двери нужны петли. Тут красивую ручку нужно, тут, в дверце на столе, опять петли и ручки на ящики. Наш кузнец, неплохой мастер, но работа выйдет грубой, тут нужен ювелир. Даже из меди или бронзы такие петли и ручки обойдутся в три – четыре шиллинга на все ваши вещи, молодой господин. Опять же нужны хорошие дубовые доски. Такие можно достать только у корабелов.

– А если липа. Они же белые получатся доски, красиво, – решил чуть уменьшить расходы Иоганн.

– Хм. Липа. Мягкое дерево. Сделать можно. Да, будет красивей, но это менее надёжно. Мебель делают на века.

– Давай первые экземпляры сделаем из липы. А скажи, Игнатий, а...

– Игнациус, молодой господин.

– Хорошо. А скажи, Игнациус, а если выставить этот шкаф, стол и полки на продажу на рынке в Риге, можно ли их продать с выгодой. Можно ли наладить производство, чтобы это приносило прибыль.

– Ох, боюсь, побьют гильдийские. А так да, продать дорого можно. Вещи получатся необычные и красивые. А если через гильдию...

– Давай сначала сделаем. Вот тебе четыре шиллинга, но не швыряйся там. Завтра как раз наш кузнец едет со святым отцом Мартином в Ригу. Он за железом. Отправляйся с ними. Сходи сейчас к Угнисосу и договорись, чтобы они тебя взяли.

Глава 6

Событие шестнадцатое

Принятие пищи сейчас происходило так. Сидели они за длинным столом в парадной гостиной замка впятером. Две Марии – мачеха и её компаньонка-родственница датчанка. Потом две их дочери – сестра Василиса и рыжая бестия Герда и прямо крутой весь и синезелёно-жёлтый с паклей, торчащей из носа, барончик Иоганн во главе стола. Кухарка главная бабка Лукерья стояла на пороге, а сын плотника Игнациуса Суне, что переводится, как сын, приносил из кухни, что находилась на первом этаже полуторазэтажного домика во дворе замка, кушанья и расставлял на столе, а потом, если кто требовал, подливам им в кружки воду из кувшина. Есть в этом действе один нюанс. Воду для кухни брали из реки, уже так себе с гигиеной. Но тут процесс важней. Дед Игорь приносил её вёдрами из реки и выливал в ту самую примерно трёхсотлитровую бочку, в которой умывался, и в которую сморкался, их управляющий Отто Хольте. А потом это все пили!!! Обнаружил этот круговорот воды в природе Иоганн только сегодня в обед. Суне подошёл к бочке и зачерпнул из неё кувшином. Кувшин опять примечательный, тоже из белой глины, так ещё и глазурью снаружи покрыт. Это уже ого-го какая технология. Пора этой белой глиной заняться. Каолин имея можно попытаться... Да много чего, имея знания, можно наворотить. Факультет технологии силикатов Иван Фёдорович не заканчивал, заканчивал стройфак, но производство кирпича проходили, а как делать костяной фарфор знает любой человек, прочитавший хоть одну книгу про попаданцев. Ну, если там правду пишут.

Но это завтра, а вот сегодня ему в кружку Суне плесканул воды из этого самого кувшина. И вон даже сопля управляющего плавают, хотя может и икринка жабы, которую прихватил дед Игорь с реки.

– На это я поить никак не могу! – отодвинул Иоганн кружку, – Лукерья, а можно мне чаю.

– Ась? – бабка как стояла прислонённая к стене так от неё и не отслонилась, рукой махнула только, останавливая Суне.

– А! Э? Сбитень. Отвар. Компот. О! Взвар! – может чай и известен уже, но только в Китае. Когда ещё португальцы доберутся до Поднебесной. Они ещё только до Африки научились плавать.

– Взвар? Так сварю. Завтра, – кухарка закатила глаза, дескать, ну вот, новая метла, новая блажь, а я-то думала, что бесёнок перебесился. А он...

– Тут сопля плавают. Нельзя ли поставить вторую бочку во дворе, только для кухни. И воду эту через тряпицу чистую наливать.

– Ты, Ванька, совсем с ума сверзился?! Муж и эту-то бочку еле успеваешь наполнять, а две ему и не осилить.

Дед Игорь действительно муж кухарки, и он и водонос, и дроворуб, и дровонос. Правда, надо сказать, что река Аа всего в двух десятках метров, а лес... Если из ворот замка выйти, то попадаешь на дорогу в Кеммерн, и дальше она идёт в Ригу, а вот если замок обойти, то попадаешь на большой луг, где всякие коровы с козами и овцами пасутся, а дальше опушка леса с кустами и сам лес. Не так и далеко таскать.

– И бочки нет, та большая одна, а малые мне под огурцы и капусту нужны. Зимой-то как без солений, – продолжала нагнетать бабка Лукерья. Ей можно, до того, как стать кухаркой она

была Гришкиной кормилицей. Вот двое их – русских слуг, которые ещё с Суздаля подались бедовать с боярином Зайцем. Практически члены семьи.

А Иоганн не слушал, он очередной прогрессорский проект разрабатывал. Вчерась вечером, но светло ещё было, он обходил замок по кругу, ну просто осмотреться хотел, и вот в кустах у леса росло полно розовых высоких кустов. Это Иван-чай цвёл. А, вроде бы, как раз во время цветения и нужно листья собирать. По крайней мере, жена у Ивана Фёдоровича решила как-то сделать заготовку на зиму этого чая и проштудировала интернет. Все технологии оттуда выудила и Ивану Фёдоровичу поневоле приходилось во всём этот участие принимать. Собирали они как раз в самом начале августа листья. Потом ферментация... Ну там несколькими способами заготавливали. Получался и зелёный чай и чёрный, ну, понятно – коричневый. Технологию ни первую, ни вторую на Руси и здесь в Ливонии не знают. Её украдёт в Китае русский купец. И это будет гораздо позже, через сотни лет.

Почему бы не обеспечить себя чаем на зиму? Во-первых, это вкусно, а во-вторых, чай – это кипячение воды. Понятно, что ещё далеко до холеры, она ещё загнивает где-то в индийских болотах и пока в старушку Европу не попала, но в воде и без холеры всякой всячины хватает. Опять же, можно обязать перед кипячением воду для чая фильтровать через ткань, объяснив это технологией, так, баб Лукерья, скусней получится. Вот попробуй. Вкуснее? То-то!

И можно ведь и денежку заработать на этом? Или нельзя? Чтобы чай копорский покупали, нужно чтобы он в моду вошёл, как это стало в реальной истории. Не простое мероприятие с нуля новый товар раскручивать. Это придётся в Риге чайные открывать. И на это нужно о-о-очень много марок с шиллингами. Помещения, персонал, откаты власть имущим. Кто там в Риге? Фогт? Не, нужно губозакаточную машинку для начала изобрести. Сперва себя на зиму обеспечить. Хотя бы для того, чтобы сопля не пить.

– Герда, мне твоя помощь нужна, – рыжая бестия вздрогнула, словно её со дна колодца призрак окликнул. Чуть на стуле не подпрыгнула. В струнку так точно вытянулась и глаза карие на него вылупила. Призрак замка Моррисвилль заговорил.

– Их? Ик, – проикала через добрую минуту.

– Я, я, натюрлих. Герда, собери всех пацанов, каких сможешь, через час у ворот замка. Будем играть в одну интересную игру. Победителя ждёт приз в один грош, – ударим запрещённым детским трудом по соплям. Э? По соплям в бочке.

Событие семнадцатое

Отдать должное рыжей надо. Иван Фёдорович такого и не ожидал. Она пригнала к воротам целую толпу пацанов. Барончик заготовил, вытребовал, выклянчил у конюха двадцать мешков, а тут толпа человек в тридцать, не меньше. Пришлось отсеять самых мелких и ещё раз сходить на конюшню и отбракованные ранее пять мешков дырявых тоже забрать, под осуждающий бу-бу-бу немца.

– Орлы. Адлер (орел по-немецки), – на двух языках пришлось говорить, так как пацаны были не только с Русской деревни, но и с Кеммерна, – вон, видите вдоль леса кусты с красными цветами. Кто первый полный мешок листьев с этих кустов наберёт, тот получит один грош. Кто второй, то вот эту корзину яблок, а кто третий, того Герда покормит горячим хлебом и даст ватрушку с творогом, что бабка Лукерья сейчас печёт. Остальные получают по пфеннигу. Бежать собирать начинаем, как я до трёх досчитаю. Да, стойте! Ещё не всё. Сбирать только зелёные листья, сухие и больные не надо. Мешки проверю. Вот теперь всё. Раз, два, три.

Пацаны, толкаясь, бросились к лесу. Грош для победителя, много или мало? Пирожков пяток на рынке купить можно, Курица живая грош стоит. Два – три кило пшеницы сейчас можно купить. Пшеница же раза в полтора, а то и в два дороже ржи. Получается ржи чуть не ведро. Для пацанов грош – это приличные деньги.

Гроши и пфенниги с позапрошлого ещё вечера выменял на один шиллинг Иоганн у управляющего. Целый кошель меди получился. Сейчас, пересчитывая пацанов в ста метрах от себя, Иоганн волноваться стал, а хватит ли пфеннигов, мелких монеток не очень много было.

Не получилось. Дождаться сбора листьев Иван-чая у барончика не получилось. Случилось одновременно три события. И все три ехали всего на двух подводах. Вместе ехали. Две эти телеги с крупными баронскими лошадьми Иоганн заметил, как только они из-за поворота в Русскую деревню выехали. А через пять минут они остановились у ворот, где и поджидал пацанов Иван Фёдорович. На первой телеге сидели, переругиваясь плотник Игнациус и управляющий Отто Хольте. На второй возницей был кузнец Гена и рядом, дрыгая ногами сидел тощий нескладный юноша в рясе, из-под которой торчали грязные сапоги, которыми монашек и дрыгал.

– Иоганн...

– Иоганн...

– Иоганн...

Сразу обратились к барончику и управляющий, и плотник, и кузнец, и только монашек, прыгнув с передка телеги, голосить не стал. Он стоял и спокойно разглядывал Ивана Фёдоровича – ученика.

Вона чё! Это и есть... фон Бок – это-то Иоганн запомнил, а вот как звать? А! Точно. Мартин Лютер, тьфу, Мартин фон Бок – его учитель и монах расстрига, а также недоучившийся студент.

– Иоганн, что ты опять устроил?! – рыкнув на плотника с кузнецом, Хольте первым слово взял, указывая на пацанов чего-то орущих у леса. Даже за сто метров галдёж долетал.

– Вам лучше не знать, хер Отто.

– Как? – открыл рот управляющий.

– Я шучу. Они собирают листья с кустов. Мне надо.

– Кипрей? Зачем он тебе, опять задумал какую-то пакость, отравить кого решил?

Иоганн открыл было рот, чтобы управляющего немного приструнить, мол, енто прихоть у меня такая баронская, но не успел. Из-за поворота дороги показалось облако мыли из которого намётом выскочило пять всадников. Огромные кони дестриэ под первыми двумя, не только пыль из дороги выбивали, но и дрожь земли вызывали. Ещё бы, вес коня под тонну, а отдельные экземпляры и больше весили.

– Барон Отто фон Лаутенберг (Otto von Lauterberg), наконец-то, – прошептал управляющий, но Иоганн услышал. Слово «наконец» ему не понравилось. Выходит, управляющий ждал соседа и по совместительству тестя его отца. Зачем? Сам послал за ним? Опять, таки, зачем?

Рядом с бароном на таком же мощном жеребце в коричневом кафтане с беретом украшенным фазаньим пером гарцевал молодой человек. Доспехов не было, только меч тонкий висел в ножнах на поясе. Подпрыгивал всадник, подпрыгивал меч вместе с ним, пуская зайчики от самоцветов в ножнах и рукояти меча.

Барон Отто фон Лаутенберг на войну не поехал. Не мог поехать. Нету там толку от него. Он – инвалид. Лет пять назад в стычке с восставшими ему попали мечом по пальцам, которые сжимали рукоять его меча. В результате от трёх пальцев остались жалкие огрызки. Всё, больше брать меч правой рукой барон не мог, а левая у него и до того плохо работала. Ранен был в плечо стрелой барон, и стрела попала в кость. Врачи вылечили, но рука в плече стала плохо сгибаться. Однако на коне ездить эти два увечья тестю не мешали. Уздечку можно и на кулак намотать.

– А сюда-то он зачем припёрся, знает ведь, что отец со всеми ратниками и сыновьями уехал в Мемель? – прошептал себе под нос Иоганн. Он и в самом деле слышал, как говорил при парне, когда прощался с женой его отец, что отправил весточку старине Отто, о том, что двинулся к Мемелю. Ну, хотя, почему бы барону не навестить дочь по-соседски. Его имение

находилось на полпути к Риге. Замка у фон Лаутенберга не было. Так деревянный забор дом окружал.

– Рад видеть тебя, Отто, – прыгивая с коня, двинулся к управляющему барон. – И тебя рад, Иоганн. Я привез к вам гостя. Это Юрген фон Кессельхут. Он мне дальний родич. Наверное, племянник двоюродного брата. Поживёт пока у вас, да, поживёт, пока нет Теодора. Хоть какая-то защита моей Марии и Базилисе, да и тебе тоже, Иоганн, озорник ты несносный. Иди сюда, дай тебя обнять.

Событие восемнадцатое

Всё же Иоганн о пацанах не забыл. Отдал Герде большую монету грош и двадцать семь, все что были, пфенниги, развёл руками.

– Если не хватит... Да, нет... Точно не хватит. Скажи, завтра отдам. Гости прибыли. Ах, да, скажи пацанам, чтобы мешки занесли внутрь крепости и сложили у стены, и пусть завтра... нет, через три дня приходят, у меня для них будет новое испытание.

Рыжая фыркнула. Барончика она явно старшим тут не считала, но, с другой стороны, эти непонятные действия с травой укрепляли её авторитет среди пацанов, почему бы и не сыграть снова в игру, что выдумал этот бес, как его мать называла. Девочка изобразила шуточный книксен и не удержалась показала язык. Язычок розовый.

Фрайфрау Мария хлопотала вокруг отца и непонятого родича. Иоганну он не нравился. Этот Юрген фон Кессельхут был каким-то слащавым, улыбочивым. Кудрявым ещё к тому же. Тяжёлые длинные спадающие на плечи каштановые волосы были то ли завиты, то ли сами кудрявились. Настоящий, блин, принц на белом коне, как их в кино показывают.

За праздничным столом на ужине барон блистал остроумием, описывая как отец Иоганна побьёт ляхов и вернётся домой с победой, с кучей рабов и сундуком серебра. Юмор был так себе. Враги были убогими и жалкими, они всё время обделывались, именно в этом, в описании обделавшихся врагов, весь юмор и заключался. Вообще не смешно. Но хохотал этот принц – родич, заливалась мачеха, а громче всех ржал, приглашённый к столу, управляющий.

Сам принц что-то вякал про несравненную красоту сестрицы Марии. Уже сестрицы? Племянник брата двоюродного? Ну, да какой-то червероюродный брат получается. Кисель, одним словом. Так его про себя обозвал Иоганн.

– Ты умеешь драться на мечех? – приняв на грудь большой кубок мёда, поинтересовался у мальчика Кисель.

– Да, я лучший фехтовальщик Лукоморья. Мне только двенадцать лет, а на моём счету уже дюжина убитых падаванов. А ещё я учился у самого Энакина Скайуокера, – нет, этот кудрявый хлыщ не нравился Ивану Фёдоровичу всё больше и больше.

Прыснул Мартин фон Бок, остальные рты открыли.

– Скайуокер? Англ? – наморщил лоб Юрген.

– Ага. Палпатин.

– Не слушай его, брат, этот бесёнок и не такое придумает. На его счёту двенадцать падаванов! На его счету только шишки и синяки от старшего брата, – мило эдак зазвенела колокольчиками смеха мачеха.

– Ничего, парень, вот заживут твои раны, и я научу тебя владеть мечом.

– А я научу тебя считать и писать, – нагнувшись к Иоганну сообщил ему монах расстрига, рука у него, как и у барончика покоилась на перевязи. – Я слышал про Лукоморье, это за Таргарией.

ТЬфу, а то по подмигиванию и смешку Иван Фёдорович и в этом персонаже попаданца заподозрил. Ну, а кто ещё мог знать о падаванах и Энакине Скайуокере? А оказалось, про Лукоморье слышал студент недоучка.

– С радостью перейму все ваши знания, учитель, – кивнул головой Иоганн и поморщился. Сильно кивнул, и шея заболела, и нос. И во рту солёный железистый привкус крови появился.

Из-за всех этих высокородных гостей Иоганну не удалось даже перекинуться парой слов с плотником Игнациусом и кузнецом Генной-Угнисосом. Единственно, что крикнул обоим будущим торговым партнёрам, что завтра с утра придёт.

Утро не наступило с головной болью. Не пил. Хоть этот слащавый прынец – Кисель и пытался, захмелев, ему в кружку меду из своего кубка налить. В результате налил себе на кафтан.

Проснулся Иоганн бодрый и почти здоровый. Он попробовал рукой пошевелить туда-сюда. Побаливала, но в разы меньше, чем в первый день после трёпки. Постукал по рёбрам. Чуда не произошло, болели. Ну, или в самом деле, или сам себя убедил парень, что гораздо меньше, вон, он уже жопой может вращать. Повезло и у бочки. С перепою или от того, что поздно улёгся, но управляющий ещё не выходил умываться и бочку с водой не засморкал. Пальцами Иоганн потёр себе щёки. А вот нос побаливал.

Нужно было идти к кузнецу, а по дороге и к бабке Матильде, вдруг каких мазей или отваров выпишет в нос заливать или запихивать.

Кузнец уже стучал, не вынес, с самого утра за работу принялся. Как же, мечта осуществляется. Увидев в проёме двери Иоганна, он махнул ему рукой и дальше продолжил стучать. Махание могло разное обозначать, пошёл нафиг, не до тебя, или подожди, сейчас выйду, а могло и сгинь нечистый.

Иван Фёдорович решил, что первое и пошёл к колдунье. А там опять очередь и опять сидит на траве инвалид без ног и скалится на пацана.

– Я с вечера занимал, – на русском сказал ему барончик и хотел пройти мимо, но безногий ловко ухватил его за штанину.

– Ты, сын боярина Зайца?

Глава 7

Событие девятнадцатое

Язык был русский. Так-то ничего особенного, в этом баронстве, чуть не треть населения на русском говорит. Но только это местные жители, те, кто приехал с боярином сюда или их жёны, которым пришлось язык выучить, дети, ну те говорят на том языке, который дома слышат. Кстати, почти все дети в Русском селе и в замке говорили на двух, а то и на трёх языках. А в Кеммерне тоже на двух в основном, но не русский второй, а жмудский. Инвалид же был не местным и услышать от него русскую речь было неожиданно, да ещё он отца Иоганна назвал старым именем «боярин Заяц». Иван Фёдорович остановился и внимательней оглядел мужика.

Безногому было лет сорок на вид. Довольно коротко стриженные волосы. Не лохматая, явно тоже подстриженная борода, и вполне опрятная одежда. Не походил инвалид на опустившегося бомжа. Увидев, что его разглядывает парень, инвалид снял мурмолку и кивнул головой.

– Самсон Изотов. Пушкарь при тюфяке – тюфянчэй. Пищальник тоже. Бывший. Теперь вишь что, – пушкарь приподнялся на руках, и выкинул ноги вперёд, положил их как бы перед собой, ну или сел на задницу.

Оказалось, что безногий он только частично. Ног не было ниже колен. То есть, колени вполне себе были и работали. Синие, какие-то пронзительные, глаза впились в мальчишку.

– Так ты сын боярина Зайца?

– Есть такое, тюфянчей Самсон Изотов.

Слово «тюфянчей» Ивану Фёдоровичу понравилось. Про тюфяки, это так пушки сейчас на Руси называют, он слышал. Это как-то там тюркское название исковеркали. Но вот, что артиллеристы или пушкари при этих тюфяках называются тюфянчелями слышал впервые. Ну, много нового в этом мире или в этом времени ждёт.

– Возьми меня на службу, боярич. Стрелять я и без ног смогу. Помощника токмо дашь. Лучший я был в войске у князя Василия Дмитриевича. Да вот разорвало тюфяк мой, – Самсон сник головой.

– А как ты из Москвы сюда попал? Не близкий путь, – Иоганн даже про нос забыл. В самом деле интересно стало.

– Длинная история. Если быстро, то выгнал меня воевода, как такое несчастье случилось. Я в Новгород к брату поехал, а там помер он, а родне такой не нужен. Уговорил купца рижского взять меня на корабль, у них там две пищали стоят, а пищальник за борт выпал при шторме. Это он сам жалился в корчме в Новгороде. Сомневался он долго, но кроме меня не нашёл никого. Сговорились за три гроша в седмицу. А в Риге он меня рассчитал и выгнал на берег. Нашёл другого пищальника. С ногами нашёл. Оказался я один на чужбине, и языка не знаю. Так, несколько слов выучил за плавание. Хоть руки на себя накладывай, а только грех это. Прости, Господи! – тюфянчей истово троекратно перекрестился.

– А сюда как попал? И почему сюда? – Иван Фёдорович внимательно осмотрел снова пушкаря, точно не впал в уныние, не опустил. Борется за жизнь. Русский опять-таки.

– Так родич твой подсказал. Дед, я так понимаю. Купец новгородский Кожин Иван. Услышал в порту русскую речь и обратился к нему, мол, домой довези. Хороший человек, не только взял на корабль, но и работу дал. Тоже у пищали. Год я с ним проплавал. А вот недавно беда со мной приключилась. Стали пальцы на ногах болеть. Спасу нет. Болят и болят. Он и посоветовал к колдунье этой обратиться. Токмо ждать меня не может. Теперь только весною при-

пльвёт. Он и посоветовал к тебе обратиться. Гостинец тебе внучку, значит, его, передать и просьбицу... не отказывать мне. Вот держи. Это от него подарок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.